

ХАНС РУСЕНФЕЛЬДТ
МИКАЭЛЬ ЮРТ

НЕМАЯ
ДЕВОЧКА

18+

ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ РОМАН, КОТОРЫЙ НЕ БОИТСЯ ГОВОРИТЬ
О ТЯЖЕЛЫХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕЖИВАНИЯХ, ВИНЕ И УТРАТЕ.

SUNDAY TIMES

Себастиан Бергман

Ханс Русенфельдт

Немая девочка

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

Русенфельдт Х.

Немая девочка / Х. Русенфельдт — «Издательство АСТ»,
2014 — (Себастиан Бергман)

ISBN 978-5-17-104748-1

На мирном хуторе вдали от городов происходит жестокое убийство: кто-то застрелил из ружья целую семью. У местной полиции нет никаких зацепок, и к делу подключают особую следственную группу из Стокгольма. Внезапно обнаруживается, что у преступления был свидетель: маленькая девочка, которой удалось спрятаться, а потом убежать в неизвестном направлении. Жива ли она? И если да, то где скрывается? На эти вопросы предстоит ответить гениальному полицейскому психологу Себастиану Бергману. И ему придется поторопиться: преступник тоже вышел на охоту...

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-17-104748-1

© Русенфельдт Х., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

62

Ханс Русенфельдт, Микаэль Юрт

Немая девочка

Какой это день недели, он не знает.

Но явно выходной. Хотя на часах уже больше девяти, он по-прежнему в пижаме.

Вся семья дома. Из гостиной доносятся звуки мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны».

Мама ставит перед ним тарелку с йогуртом и спрашивает, помыл ли он после туалета руки. Он кивает. Дать ли ему бутерброд? Он отрицательно мотает головой. Йогурта хватит. «Ванильно-банановый». Ему, конечно, больше хотелось бы хлопья «Фростис», но остатки забрал Фред, поэтому придется довольствоваться овсяными подушечками. Но раз уж последние вкусные хлопья достались Фреду, то он имеет полное право прямо после завтрака взять DVD-плеер. И посмотреть «Трансформеров» – «Темную сторону Луны».

В очередной раз.

Раздается звонок в дверь.

– Кто это может быть в такую рань? – удивляется мама и идет к входной двери. Он даже не обращает внимания на хорошо знакомые звуки, когда она берется за ручку и открывает.

Тут раздается громкий хлопок, и кажется, будто в прихожей кто-то падает.

Он подскакивает так, что йогурт выливается на стол, но он даже не замечает этого. Из спальни на втором этаже что-то взволнованно кричит папа. Он еще не вставал, но сейчас слышны его быстрые шаги.

Потом в дверях кухни возникает какой-то человек.

С ружьем.

Теперь их было две.

Ее было две.

Одна снаружи, другая внутри.

Снаружи она продолжает двигаться.

Наперекор, но целеустремленно. Усвоенный в школе урок – если ты заблудился, надо оставаться на месте – противоречил инстинктивному желанию бежать.

Разве она заблудилась?

Где находится, она толком не понимала, но знала, куда направляется. Она не углублялась в лес настолько, чтобы не слышать проезжавших по дороге машин. Иногда выходила на дорогу. Шла вдоль нее. Пряталась, если кто-нибудь появлялся. Шла, пока не показывался указатель, проверяла, что она по-прежнему на правильном пути, после чего снова скрывалась в лесу. Значит, она не заблудилась. Причин оставаться на месте нет. Вдобавок было холодно. Влажный холод подгонял ее вперед. От движения становилось теплее, не так голодно. Поэтому она шла дальше.

Внутри она застыла.

Поначалу она бежала. И внутри, и снаружи. Мчалась вслепую. Теперь она не могла толком припомнить, от чего убегала, или узнать, где оказалась. Вроде бы не место, не пространство, больше похоже на... пожалуй, на какое-то ощущение...

Она не знала. Но она была там, и там было пусто, она замерла.

Она была пуста, все замерло.

Полная тишина.

Это было главное. Пока тишина сохранялась, она ощущала уверенность. В небывалом месте, где светло без света. Где никакие цвета не напоминают те краски внешнего мира, которые все-таки продолжают улавливать ее распахнутые глаза. Где открыто, но закрыто наглухо. Там царит чувство безопасности, которое исчезнет, если исчезнет тишина. Это она инстинктивно чувствовала. Слова выдадут ее. Слова разрушат невидимые ей стены и вернут ее в реальность. Впустят внутрь творящийся снаружи кошмар.

Хлопки, крики, ярко-алые волны и страх.

Ее страх, страх вокруг нее.

Внутри она сидела молча и неподвижно.

Снаружи ей было необходимо идти дальше.

Идти туда, где никто не сможет ее найти. Где никто не попытается с ней заговорить. Внешнему «я» приходилось защищать внутреннее.

Она знала, куда ей надо.

Ей рассказывали об одном месте. Предостерегали от него. От места, где тебя никогда не найдут, если ты туда зайдешь. Вообще никогда. Именно так они и сказали. Ее никто не найдет.

Снаружи она плотнее завернулась в слишком тонкую курточку и ускорила шаг.

Внутри она постепенно съеживалась, становилась все меньше и меньше, надеясь, что совершенно исчезнет.

Анна Эрикссон сидела в машине перед светло-желтым многоквартирным домом и ждала.

Ванья опаздывала. Это ей не свойственно. Анна предположила, что для дочери это еще один способ продемонстрировать свое негодование.

Хуже всего было то, что дочь полностью прекратила им звонить.

Сама Анна с этим жить могла. Она понимала причину. Могла даже в глубине души признать, что заслужила это. Кроме того, по правде говоря, у них никогда не было отношений, подразумевавших долгие телефонные разговоры между матерью и дочерью.

Вальдемару приходилось хуже. Он переживал отдаление Ваньи невероятно тяжело, оно в большей степени, чем болезнь, способствовало его превращению в осколок своего прежнего «я». Он непрерывно говорил о дочери и о правде, которую им ни за что не следовало от той скрывать. Едва обманув смерть, он обнаружил, что жизнь полна угрызений совести и отчаяния. Анне вся эта ситуация, разумеется, тоже причиняла боль, но она справлялась с ней лучше. Она всегда была сильнее мужа.

Он выписался из больницы домой уже более месяца назад, но Анне с тех пор так и не удалось заставить его даже выйти из квартиры. Его организм, похоже, полностью принял новую почку, но Вальдемар не мог принять свой новый мир. Мир без Ваньи. Он отталкивал всех и вся.

Анну. Немногочисленных коллег, проявлявших к нему внимание, несмотря на то, что он совершил. Еще более немногочисленных друзей, звонивших все реже.

Даже по-прежнему ведущееся против него предварительное следствие его, казалось, больше не волновало. Подозрения в уклонении от уплаты налогов и фальсификации бухгалтерской отчетности были серьезными, но их полностью заслоняло предательство, совершенное им по отношению к Ванье.

Она набросилась на него с яростью. Это было ужасно. Крики, скандалы, слезы. Никто из них такой Ванью прежде никогда не видел.

Такой рассерженной.

Так глубоко уязвленной.

Постоянно повторялись те же обвинения. Как они могли? Какие мать и отец так поступают? Что они на самом деле за люди?

Анна понимала. Будь она на месте Вань, она задалась бы теми же вопросами. Да, вопросы были правомерными и понятными. Не нравился ей только ответ.

Она. Она – мать, которая смогла так поступить.

Несколько раз во время самых жутких ссор Анна была близка к тому, чтобы сказать:

«Хочешь знать, кто твой отец? Действительно хочешь?»

Но она стискивала зубы. Отказывалась рассказывать. Говорила, что это не имеет значения.

Не потому, что хотела защитить Себастиана Бергмана. Она понимала, чего ему хочется. Как он пытается подобраться поближе. Отстоять право, которого у него нет, как человек, пытающийся взыскать деньги, которые ему никто не должен.

Себастиан никогда не был Ванье отцом. Им был Вальдемар. Все время, целиком и полностью. Что бы там ни значилось в больничной карте, размахивая которой к ним ворвалась Ванья. Единственным утешением был тот факт, что Себастиан не мог обратить возникшую ситуацию в свою пользу. Он так же, как и она, запутан в массе лжи. Скажи он Ванье, что давно знал правду и молчал, получится, что он предал ее в точности так же, как они.

Будет так же ненавистен ей.

Так же отвергнут ею.

Себастиан знал это. В последние недели он несколько раз звонил Анне и буквально на коленях умолял ее помочь ему найти способ рассказать правду. Анна отказалась. Она никогда не поможет ему отобрать Ванью у Вальдемара. Никогда. Это она знала твердо. Все остальное представлялось сплошной неразберихой.

Впрочем, сегодня она начнет возвращать себе контроль над ситуацией.

Сегодня она предпримет первый шаг к тому, чтобы расставить все по своим местам.

У нее имелся план.

Входная дверь открылась, и, наконец, появилась Ванья. Руки глубоко засунуты в карманы куртки, плечи подняты. Под глазами синяки, вид больной и изнуренный, будто она за последние месяцы постарела на несколько лет. Переходя улицу и направляясь к машине, она отвела рукой безжизненные немые волосы. Анна собралась с мыслями, сделала глубокий вдох и вышла из машины.

– Привет, как хорошо, что ты смогла выбраться, – сказала она, пытаясь придать голосу максимум оптимизма.

– Что тебе надо? – донеслось в ответ. – У меня масса дел.

С их последнего разговора прошло три недели, и Анне показалось, что голос дочери звучит менее резко. Возможно, ей просто хотелось так думать.

– Я хочу тебе кое-что показать, – осторожно начала Анна.

– Что же?

– Может быть, мы поедем, и я расскажу в машине?

Ванья смотрела на нее с подозрением. Анна знала, что чем дольше они стоят молча, тем более вероятно, что Ванья согласится. Это она усвоила по их многочисленным ссорам. Добиваясь своего, Ванью нельзя атаковать и загонять в угол. Согласиться поехать она может только без конфронтации и на собственных условиях.

– Ты увидишь, что оно того стоило, – осторожно продолжила Анна. – Я знаю.

В конце концов Ванья кивнула и подошла к дверце машины. Открыла ее и села. Молча.

Анна завела машину, и они поехали. Неподалеку от бензоколонки возле гавани Фрихамнен она нарушила молчание и совершила первую ошибку.

– Вальдемар передавал привет. Ему тебя очень не хватает.

– Мне тоже очень не хватает отца. Моего настоящего отца, – молниеносно парировала Ванья.

– Я за него немного беспокоюсь.

– Вините сами себя, – перебила ее Ванья. – Это не я всю жизнь врала.

Анна почувствовала, как они близки к тому, чтобы опять начать ссориться. Как легко можно сорваться. Да, злость Ваньи понятна, но Анне все-таки хотелось заставить ее понять, как сильно она ранит тех, кто ее действительно любит. Тех, кто на протяжении всей ее жизни поддерживал ее. Они лгали из желания пощадить ее, а не навредить ей. Но Ванья только и ждала повода, чтобы взорваться, поэтому Анна попыталась разрядить обстановку.

– Я знаю, знаю. Прости, я правда не хочу ссориться. Сегодня...

Ванья, похоже, согласилась на временное перемирие. Они поехали дальше в молчании. По улице Вальхаллавэген, в западном направлении.

– Куда мы едем? – спросила Ванья, когда они проехали мимо гостиницы «Сталльместаргорден».

– Я тебе кое-что покажу.

– Что именно?

Анна ответила не сразу. Ванья повернулась к ней.

– Ты сказала, что расскажешь в машине, так рассказывай.

Анна глубоко вдохнула, не отрывая внимания от дороги и впередиидущего транспорта.

– Я собираюсь отвезти тебя к твоему отцу.

– Можете заходить.

Эрик Флудин повернулся к большому белому двухэтажному дому, на террасе которого стоял и призывно махал рукой приехавший с ним из Карлстада криминалист Фабиан Хельстрем.

– Мы уже почти закончили.

Эрик поднял руку в знак того, что услышал, после чего опять перевел взгляд на простиравшийся перед ним открытый ландшафт.

Здесь красиво.

До каменной стены тянется покрытый свежей зеленью газон. За ней – пашня, ожидающая, пока весна чуть больше вступит в свои права, и переходящая в темную зелень от хвойных деревьев, которая совсем недавно обрела конкурента в виде нежного светлого весеннего наряда деревьев лиственных. Над открытым полем парит канюк, нарушая тишину мяукающим жалобным звуком.

Эрик раздумывал, не позвонить ли Пийе перед тем как войти. Она все равно узнает о случившемся и придет в отчаяние. Это отразится на всем муниципалитете.

На ее муниципалитете.

Но если позвонить, она начнет задавать вопросы.

Захочет узнать больше.

Захочет узнать все.

Он сам знал не больше того, что услышал от коллег, уже находившихся на месте, когда он приехал.

Тогда какой смысл?

Никакого.

Пусть Пийя подождет, решил он. Он бросил последний взгляд на находившуюся справа от него песочницу. Следы от лившего все выходные дождя в кузове желтого пластикового грузовичка. Лопатка, перепачканный в песке трансформер и два динозавра.

Эрик вздохнул и направился к дому и трупам.

Стоявшая возле патрульной машины Фредрика Франссон молча присоединилась к нему на последних шагах. Она оказалась на месте первой и, когда Эрик приехал, кратко проинформировала его о том, что ей известно. Он знал ее давно. Они вместе работали до того, как его произвели в комиссары уголовной полиции с расширенными полномочиями и отправили работать в Карлстад. Хороший полицейский. Дотошный и увлеченный. Почти на двадцать санти-

метров ниже Эрика, чей рост был метр восемьдесят пять, и наверняка килограммов на десять тяжелее его семидесяти восьми. Легче перепрыгнуть, чем обежать вокруг, – поговаривали о ней язвительные коллеги. Сама она о своем лишнем весе никогда не упоминала. Да и о чем-либо другом тоже. Разговорчивостью Фредрика не отличалась.

Когда Эрик поднялся на террасу и увидел первую жертву, ему показалось, что он ощущает запах пороха. Он знал, что это обманчивое ощущение. Судмедэксперт после беглого осмотра убитых назвал ему предварительное время наступления смерти. Около суток назад. Даже если бы входная дверь была закрыта – а она явно оказалась открытой, когда пришла девятилетняя дочка соседа в поисках компании для игр, – прошло слишком много времени для того, чтобы сохранились какие-либо остатки запаха.

Прежде чем войти в дом, Эрик надел бахилы и белые пластиковые перчатки. Он отодвинул горшок с пасхальными веточками и присел около женщины, которая лежала на спине, на грубом каменном полу. Очевидно, первая из четырех жертв.

Четверо убитых.

Двое детей.

Семья.

Их личности еще не установили, но домом владели и проживали в нем Карин и Эмиль Карлстены с сыновьями Георгом и Фредом, поэтому Эрика очень бы удивило, если бы перед ним лежала не Карин Карлстен. Разговаривая с ним, коллеги из Стокгольма, Гетеборга и даже из Карлстада иногда изумлялись тому, что он не знает всех жителей Турсбю. Ведь он оттуда родом. Разве это не просто глухое захолустье? Эрик в ответ обычно устало вздыхал. На территории муниципалитета проживает почти 12000 человек. В административном центре – немногим более 4000. Кто в Стокгольме знает 4000 человек? Никто.

Нет, с Карлстенами он никогда не встречался, правда, он о них, пожалуй, слышал. В связи с каким-то недавним полицейским расследованием...

– Ты знаешь Карлстенов? – Эрик поднял взгляд на Фредрику, которая с определенным трудом натягивала на веранде бахилы.

– Нет.

– Мне помнится, что мы зимой с ними разбирались.

– Возможно.

– Ты можешь это проверить?

Фредрика кивнула, стянула с трудом нацепленную на одну ногу голубую бахилу, развернулась и двинулась в направлении машины. Эрик вновь переключил внимание на тело шатенки лет тридцати пяти.

Отверстие в груди. Большое, почти в десяток сантиметров. Слишком большое для нарезного оружия, типа пистолета или ружья. Скорее похоже на двуствольный дробовик. Обилие крови на полу свидетельствовало о солидном выходном отверстии. Стреляли, приставив дуло прямо к телу. Пороховые газы скопились между кожей и грудиной, от высокого давления кожу прорвало, и образовались ожоги, а также почернение на белом вязаном свитере женщины вокруг отверстия. Смерть, видимо, наступила мгновенно.

Эрик бросил взгляд на входную дверь. Женщина лежит буквально в метре от порога. Будто она открыла, и, прежде чем успела среагировать, кто-то приставил ей к груди ружье и нажал на курок. Силой выстрела ее отбросило назад.

Кто бы там ни стрелял, он должен был потом перешагнуть через нее и пройти в дом.

Эрик выпрямился и проделал то же самое.

Сразу за прихожей находилась большая кухня. «Типичная деревенская кухня» – так наверняка описал бы ее маклер, получи он задание продать дом. В одном углу – встроенный камин с вытяжкой. Основательный сосновый пол. Такие же широкие доски потолка. Над деревянным диваном висят лопата для выпечки хлеба и еще какое-то кухонное орудие, название

которого Эрик не знал. В одном ряду с современной бытовой техникой старая черная деревянная плита.

На большом сосновом столе по-прежнему стоят остатки завтрака. На одном конце – тарелка с чем-то похожим на йогурт и овсяные подушечки. Стул перед ними перевернут. На полу – мальчик лет восьми или девяти. По-прежнему в пижаме.

Шли пасхальные каникулы.

Детям не требовалось рано идти в школу. «К сожалению», – подумал Эрик.

Присмотревшись к мальчику, он, казалось, получил подтверждение своей теории относительно дробовика. Одна рука практически оторвана у плеча. На шее и на одной щеке небольшие отверстия. Разлетевшаяся картечь. Каким было расстояние, если убийца стрелял от двери? Два метра? Три? Достаточно для того, чтобы смертоносные снаряды успели немного разлететься. Возможно, мгновенную смерть они не повлекли, но мальчик, по всей видимости, истек кровью буквально за минуту.

Что дальше?

Кто-то пробежал через комнату. После того как мальчика застрелили. Ребенок. Вокруг стула на крови следы маленьких ног. Эрик посмотрел на примыкающую к кухне комнату. Небольшая гостиная. Телевизор и DVD. Может, второй сын сидел и смотрел телевизор? Услышал выстрелы. Возможно, встал при первом. Стоял в дверях и видел, как застрелили брата. Побежал. Куда? Следы ведут к лестнице на второй этаж.

Почему его тоже не убили на кухне? Стрелок перезаряжал оружие? Эрик оглядел пол. Никаких гильз от патронов не увидел. Напомнил себе, что надо будет спросить Фабиана, не подобрал ли он их.

– Ян Седер.

Эрик с трудом удержался, чтобы не подпрыгнуть. Фредрика возникла у него за спиной совершенно беззвучно.

– Карлстены в декабре подали на него заявление в полицию, – продолжила Фредрика, не отрывая взгляда от мертвого мальчика на полу.

– За что?

– За нарушение правил охоты.

– Какого рода? – терпеливо спросил Эрик.

– Они сняли и предоставили фильм, где у Седера на участке лежал убитый волк.

– Значит, его осудили.

Скорее констатация факта, чем вопрос.

– Штраф, – подтвердила Фредрика.

Эрик мысленно кивнул.

Охотник.

Дробовик.

Разумеется, ничего не доказывает, в округе полно охотничьих лицензий и ружей, но хотя бы начало.

– Он им во вторник угрожал.

Эрик резко прервал размышления. Правильно ли он понял? Иногда понять было трудно, поскольку Фредрика выдавала только самую необходимую информацию, а периодически не выдавала даже ее.

– Седер? – на всякий случай уточнил Эрик. – Ян Седер во вторник угрожал Карлстенам? Фредрика кивнула и впервые с тех пор, как вошла на кухню, повернулась к Эрику.

– Перед бассейном. Несколько свидетелей.

Эрик быстро переварил информацию. Неужели все так просто? Неужели кто-то мог действовать столь тупо? Ответ на оба вопроса был «да». Жестокость и дикость не обязательно подразумевают сложность и продуманность. Даже напротив.

– Я хочу с ним поговорить, – сказал он Фредрике. – Привези его в отделение.

Фредрика развернулась и покинула кухню. Продвигаясь за маленькими кровавыми следами к лестнице, Эрик поспешно обдумывал свое решение.

Угроза.

Охотник.

Дробовик.

Эрику очень хотелось, чтобы дело обстояло именно так. Он возглавил отдел по борьбе с насилием в полиции Вермланда всего около двух месяцев назад, и вовсе не хотел, чтобы это расследование затянулось. Пийя тоже. Она потребует, чтобы дело раскрыли быстро. Чтобы муниципалитет смог поскорее забыть об этом. Идти дальше.

Следы становились все слабее и слабее и в нескольких метрах от лестницы вообще исчезли. Эрик взялся за выкрашенные в белый цвет перила и поднялся наверх.

На втором этаже лестница завершалась длинным узким, похожим на коридор, холлом с тремя дверьми. Две стояли открытыми. Эрик быстро заглянул в дверь налево. Двухъярусная кровать и разбросанные игрушки говорили о том, что это комната мальчиков. Он прошел до конца коридора и опять остановился. Там, прислонясь, как предположил Эрик, к закрытой двери в ванную, полусидел Эмиль. На вид на несколько лет старше Карин. Или же возраста ему добавляли седые волосы. В любом случае, он был мертв. На этот раз точно картечь. Прямо в грудь. Эрик представил себе, как мужчина выбежал из спальни, а стрелок уже стоял на вершине лестницы.

Эрик огляделся. Никакого оружия мужчина с собой, похоже, не взял. Он, вероятно, услышал, что происходит внизу, но все равно никак не попытался себя защитить и выбежал как есть.

Наверное, думать трезво было невозможно. Эрик даже представить себе не мог, как среагировал бы, разыграйся такое у него дома. У них. Если бы на первом этаже находились Пийя и их дочь.

Перешагнув через ноги мужчины, он вошел в спальню. Доминировала здесь двуспальная кровать. Минимум два метра на два. С расчетом на детей, если им приснится кошмар и они захотят спать с родителями. Покрывало и декоративные подушки аккуратно разложены. Два ночных столика, возле одной короткой стены – комод с зеркалом. Вторая полностью скрыта гардеробом. Дверцы в центре открыты.

Вещи Карин.

На вешалках платья, блузки и юбки.

Между туфлями на полу торчали две маленькие голые ноги. Эрик подошел.

В глубине сидел второй сын, залезший максимально глубоко. На коленях одеяло. Будто пытался спрятаться. Может, поэтому Эмиль не прошел дальше? Столкнулся с бежавшим наверх сыном и попытался его спрятать?

Спасти.

Не удалось.

Стрелок нашел его. Вероятно, он стоял там, где сейчас стоит Эрик. Примерно в метре от мальчика. Дуло ружья еще ближе. Выстрел в шею почти снес мальчику голову.

Эрик был вынужден отвернуться. Ему доводилось видеть многое из того, что люди в состоянии сотворить друг с другом, но это...

Дети. Пижамы. Маленькие голые ноги.

Эрик сел на застеленную кровать и стал глубоко дышать, чтобы не расплакаться. На большой двуспальной кровати, со жгущими веки слезами, он пообещал себе, что поймает того, кто это сделал. Подобных обещаний он припомнить не мог. Во всяком случае, никогда еще так отчетливо он себе этого не говорил. Но того, кто это сделал, он поймает.

Любой ценой.

Себастиан, как обычно, дошел до работы на острове Кунгсхольмен пешком.

Это стало его новой привычкой. Времени уходило больше, но чем дольше он пребывал за пределами квартиры, тем лучше. Он всерьез подумывал сменить место жительства. Все равно большую часть времени он проводил вне дома. В те редкие периоды, когда он там находился, он чаще всего просто расхаживал взад и вперед. Уставая, пытался читать книги, которые, как говорил, уже читал. Однако ему никак не удавалось обрести покой, и он начинал новую книгу, еще не дочитав предыдущую. Одна глава отсюда, одна оттуда, но он постоянно обнаруживал, что мысли расплываются в разные стороны.

Даже женщины ему наскучили. Флиртовать он продолжал, это давало ему известный отдых, но сам удивлялся тому, насколько редко он в последнее время шел до конца. Для него это было необычно.

Но образ Урсулы на полу...

Он не шел у Себастиана из головы.

Из правого глаза, словно из лопнувшего пакета, вытекает кровь и расплзается по полу, волосы слиплись и окрасились в алый... Ему казалось, что в прихожей по-прежнему стоит сладковатый запах крови, невзирая на все моющие средства, которыми он оттирал пол.

Он ежедневно ходил в офис. Нуждался в работе. В расследовании, желательно сложном и захватывающем, которое потребовало бы от него полной концентрации.

Однако задания блистали своим отсутствием. Ни один из полицейских округов не обращался к Госкомиссии по расследованию убийств за помощью, и команда, как всегда, активно брала отгулы за накопившиеся переработки. Билли, обычно всегда сидевший на месте, независимо от того, вели они расследование или нет, появлялся периодически, чтобы читать электронную почту, но не более того.

С Торкелем Себастиан встречался еще реже. Возможно, к лучшему.

Торкель любил Урсулу, а изувечивший ее выстрел настиг ее у Себастиана. Ее безжизненное тело оказалось в его прихожей. Себастиану казалось, что Торкель всегда будет винить в случившемся его, хотя при редких встречах они с успехом избегали этой темы.

Любил ли Урсулу Себастиан? Когда-то давно – пожалуй. Но первая его мысль, когда он услышал выстрел и увидел, что она лежит в прихожей, была ужасной. Лишенной паники. Ясной и отчетливой, не имеющей ничего общего с любовью.

Черт, как неприятно.

Женщина, которую он знал много лет. Женщина, с которой он сблизился и решался разговаривать более откровенно, чем с кем-либо другим, лежала у него на полу при смерти, а его первой реакцией было: «Черт, как неприятно».

Эта мысль была ему хорошо знакома.

Она обычно возникала у него по поводу большинства вещей: конфликтов, навязчивых женщин, скучных рабочих заданий, общения с людьми. В этих ситуациях она была естественной. Даже правильной.

Но там и тогда...

В его прихожей, после выстрела.

Радовало его лишь то, что на работе периодически оказывалась Ванья. Она была истинной причиной того, почему он по-прежнему ходил в офис.

Их отношения в последнее время немного улучшились. Шок от известия, что Вальдемар ей не родной отец, полностью перевернул ее жизнь. Она почти перестала подозревать, что ее лишили стажировки в ФБР из-за Себастьяна. Казалось, будто она больше не в силах настоящего обдумать эту идею.

Это по-человечески понятно: мало кто способен воевать со всеми одновременно. Сражаться на несколько фронтов. Тогда уж лучше заключить с кем-нибудь хрупкий мир.

Кроме того, Себастиан твердо стоял на том, что он никоим образом не замешан в этом деле. Он дважды вызвал к отбравшей кандидатов комиссии, объясняя, насколько неверное решение они приняли. Разумеется, он оба раза проследил за тем, чтобы Ванья окольными путями узнала о его героических попытках. Комиссия не изменила своего решения: Ванья Литнер может подавать документы в следующий раз, когда на базе Куантико вновь появится место. Правда, борьба Себастиана все равно окупилась.

Через несколько дней после последней попытки он столкнулся с Ваньей в коридоре. Она вроде немного смягчилась. Казалась усталой, не настолько воинственной, не настолько готовой при первой возможности наброситься на него. Даже поздоровалась. Сказала, что слышала о его заступничестве перед комиссией, и потом рассказала, что ее отец ей больше не отец.

Они стали ближе друг к другу. Не настолько близки, как раньше. Но тем не менее. Это – начало, и после той встречи мысли об Урсуле немного отошли на задний план.

Ему снова есть на чем сосредоточиться.

Ванья даже не стала раздумывать над тем, садиться ли опять к Анне в машину.

Ей требовалось держать дистанцию между собой и женщиной, приходившейся ей матерью, но ведущей себя совершенно не как мать. Это было ясно.

За окнами такси весна продвинулась довольно далеко, хотя был еще только апрель. Тепло держалось уже больше недели, и чувствовался привкус начала лета. Несмотря на это, Ванья ощущала себя заледеневшей изнутри. Брошенной. Отец ей больше не отец. Как относиться к матери, вообще непонятно.

Кто же у нее остался?

Билли – нет. Уже нет. Они были как брат и сестра, которых разнесло в разные стороны. Он полностью погрузился в отношения со своей невестой Мю, с которой Ванья, хотя они вместе уже год, виделась только мельком. А теперь они собираются пожениться. Ванья даже не знала, пригласят ли ее.

С Торкелем, своим шефом и ментором, она тоже общалась не так много. После того, что произошло с Урсулой, он появлялся в офисе не слишком часто. Ванья задавалась вопросом, не собирается ли он уйти с работы. В те краткие моменты, когда они все-таки встречались, у нее иногда возникало такое ощущение.

Кто еще из близких у нее есть?

Список получился коротким.

Смехотворно коротким.

Юнатан – ее бывший молодой человек, который иногда звонил в надежде, что они опять начнут отношения или хотя бы иногда будут заниматься сексом.

Возможно, несколько коллег, с которыми она училась в Полицейской академии и с которыми периодически встречалась, но они усиленно занимались созданием семей.

И еще Себастиан Бергман.

Если бы тогда, когда они впервые вместе работали в Вестеросе, кто-нибудь сказал, как много они будут видеться в дальнейшем, она бы громко рассмеялась. Утверждение показалось бы слишком абсурдным, чтобы удостаивать его ответом. Себастиан то приводил ее в ярость, то вгонял в уныние. Однако теперь она иногда ловила себя на том, что даже скучает по нему. Как так могло получиться? Как в ее смехотворно короткий список попал злоупотребляющий сексом, самовлюбленный криминальный психолог?

Поместил его туда не только недостаток других, хотя имей она в жизни кого-нибудь действительно близкого, исключить его было бы проще.

Существовала иная причина.

Ей нравилось с ним разговаривать. Невозможный, бесцеремонный и высокомерный по отношению к другим, с ней он был внимательным и интересным собеседником. Если за дру-

гими женщинами он гонялся, как за трофеями, не считаясь с их чувствами, то о ней он заботился. Она не понимала почему, но заботился. По-настоящему. И не мог этого скрыть.

Но можно ли на него полагаться? Он часто оказывался слишком близко, когда происходила какая-нибудь гадость.

Слишком близко к доказательствам, засадившим Вальдемара в тюрьму.

Слишком близко к Перссону Риддарстольпе и характеристике, положившей конец ее надеждам на учебу в ФБР.

Но как ни крути, она не могла найти ни единой причины, зачем бы Себастиану хотеть ей вредить. Возможно, дело обстояло так, как он упорно утверждал: чистые случайности. Проблема заключалась лишь в том, что, если работа чему-то научила Ванью, так тому, что случайности происходят крайне редко. Если их становится слишком много, то они превращаются в косвенные доказательства. Возможное становится неправдоподобным.

Случайности вокруг Себастиана подошли к этому вплотную. Впрочем, возможно, еще не перешли границы.

Она нуждалась в нем.

Она чувствовала себя такой одинокой.

Эрик Флудин припарковал машину перед низким, плоским и, по правде говоря, уродливым и унылым зданием на Бергебювэген, 22, которое вплоть до февраля было его рабочим местом, заглушил мотор, вышел из машины и направился к входу. Завидев его, три человека, ожидавшие на деревянных скамейках перед зданием полиции, встали. Он знал их всех. Двое из газеты «Вермландс фолькблад», а третий – из местной редакции «Нюа Вермландс-тиднинген».

Ответив «вообще ничего» на вопрос о том, что он может рассказать об убийствах, Эрик открыл дверь в вестибюль. Он кивнул сидевшим за стойкой рецепции Кристине и Деннису и достал карточку-ключ, но тут у него зазвонил телефон. Проводя карточкой по считывающему устройству и набирая четырехзначный код, который впустил его во внутреннюю часть отделения полиции, он ответил на звонок Пийи.

– Это правда? – донеслось вместо приветствия. Эрику показалось, что он слышит призыв упрека за то, что она узнала об этом от кого-то другого, а не от него. – Семья? Застрелили целую семью?

– Да.

– Где? Кого?

– Неподалеку от Стурбротен, их фамилия Карлстен.

– Вы знаете, кто это сделал?

– У нас есть один, не подозреваемый, но... у нас есть человек, угрожавший этой семье.

– Кто?

Эрик не задумался ни на секунду. Он обычно рассказывал жене большинство деталей ведущихся расследований, и до сих пор ничто не просочилось наружу.

– Ян Седер.

– Я не знаю, кто это.

– Нам уже доводилось иметь с ним дело, я сейчас буду с ним разговаривать.

Пийя глубоко вздохнула, и Эрик живо представил себе, как она стоит у окна своего кабинета на втором этаже здания муниципалитета и смотрит в окно на рябины перед магазином на Тингсхусгатан.

– Начнется писанина, – еще раз озабоченно вздохнув, проговорила она.

– Совсем не обязательно, здесь пока только «Вермландс фолькблад» и «Нюа Вермландс». – Он сказал так, думая, что ей хотелось услышать именно это, не потому, что это было правдой.

Естественно, писать будут.

В самое ближайшее время к тем троем перед отделением присоединятся коллеги из Карлстада и конкуренты из больших стокгольмских газет. Телевидение, вероятно, тоже. Возможно, даже из Норвегии.

– Ты помнишь Омселе? – сухо спросила Пийя, мгновенно давая ему понять, что разгадала его попытку утешения. Эрик слегка вздохнул про себя. Конечно, он помнит Омселе. Тройное убийство семьи на кладбище и неподалеку. Убиты за украденный велосипед. Эрик тогда первый год учился в Полицейской академии. Они все следили по газетам, радио и телевидению за погоней по Швеции за Юхой Вальяккала и его подружкой Маритой. – Больше двадцати пяти лет назад, – продолжила ему в ухо Пийя. – Омселе по-прежнему связывают с этим. Мы хотим, чтобы люди приезжали сюда, а не бежали отсюда в страхе.

Эрик остановился в маленькой кухне, взял кофейную чашку, поставил ее на решетку автомата и нажал на кнопку с надписью «Капучино». Его внезапно охватила усталость. Терпение по отношению к Пийе лопнуло. Она не была там. В доме. Не видела в глубине гардероба маленького мальчика, которому предстояло осенью пойти в школу. Его брата в пижаме, убитого посреди завтрака.

Она не видела их.

Не видела кровь.

Безысходность.

– Я понимаю, что это плохо, – проговорил он, изо всех сил стараясь не выдать голосом раздражения. – Но погибло четыре человека. Двое детей. Как это повлияет или не повлияет на приток жителей, возможно, все-таки не самое главное, как тебе кажется?

Он наткнулся на тишину. Автомат закончил работу, поэтому Эрик взял чашку. Немного отпил, к сожалению, не особенно горячего напитка. В Карлстаде кофе был лучше.

– Ты прав, – донеслось от нее. – Прости, я сожалею, что говорила ужасно эгоцентрично.

– Ты говорила с позиций дела, которым увлечена, – ответил он. Как всегда, стоило ей уступить и попросить прощения, раздражение уходило и сменялось уколом угрызения совести. – Как всегда, – добавил он.

– Вы кого-нибудь пригласите? – спросила она с присущей ей рациональностью.

– Что ты имеешь в виду?

– Помощь. Извне.

– Нет, я не собираюсь, во всяком случае, пока.

В конце коридора высунулась голова Фредрики. Увидев Эрика, Фредрика устремила на него взгляд, четко показывавший, что, по ее мнению, ему следует попроситься, с кем бы он там ни разговаривал, и зайти к ней. Эрик подчинился ее взгляду.

– Мне надо идти, поговорим обо всем вечером. Целую.

Он положил телефон в карман, отставил по-прежнему почти полную чашку и быстрым шагом направился к кабинету Фредрики за новой информацией.

Услышав, что к стеклянной двери кто-то подошел, Себастиан опустил книгу с длинным научным названием «The Psychopathology of Crime: Criminal Behavior as a Clinical Disorder»¹ и поднял взгляд. Ванья. Она выглядела бледной и утомленной. Достав карточку, она открыла дверь, показавшуюся тяжелее обычного. Что-то произошло. Себастиан встал и двинулся через стерильное офисное пространство. Он попытался приветственно улыбнуться, но Ванья его поначалу не увидела. Она обратила на него внимание, только когда он уже почти подошел.

– Привет, что-нибудь случилось? – спросил он и, от беспокойства за нее, преодолел последние метры быстрее обычного.

¹ Психопатология преступления: Криминальное поведение как клиническое расстройство (англ.).

Поначалу казалось, что она не собирается отвечать. Она стояла молча и всматривалась в него. Ее красивые голубые глаза выглядели выразительнее остального лица. Складывалось впечатление, будто она сосредоточила в них всю силу, поскольку выскользнувшие под конец слова прозвучали слабо и надтреснуто, словно они разламывались где-то по пути.

– Мама... рассказала, кто был моим отцом, – в конце концов выговорила она.

У Себастиана внутри все похолодело. К этому он был не готов.

Невозможное мгновение.

Мысли завертелись со страшной скоростью.

Не могла же Анна рассказать правду? Раньше она отказывалась ему помочь. Неужели она действительно решилась?

– Кто это? – произнес он, немного восхитившись тем, что голос у него, невзирая ни на что, звучал ровно и с естественным любопытством.

– Знаешь, что она мне показала? – продолжила Ванья так, будто не слышала вопроса, но с чуть большей силой в голосе.

– Представления не имею, – сумел выдать он, чувствуя, что самая страшная паника отступает. Видимо, на этот раз он выкрутился. Если бы Анна открыла правду, Ванья не стала бы с ним так разговаривать. Он ее знает достаточно хорошо. В отличие от него, она врать не умеет.

– Могилу. Она показала мне могилу.

– Могилу?

– Угу. Он мертв. Умер в тысяча девятьсот восемьдесят первом году. Его звали Ханс Оке Андерссон.

– Ханс Оке Андерссон?

Себастиан пытался приспособиться к новой ситуации, слегка восхищаясь Анной. Она сумела дать Ванье отца и сразу объявить его покойником. Креативно. Ванья совершенно очевидно аналогичного восхищения не испытывала.

– Судя по всему, она с ним просто встречалась, а когда она забеременела мной, он не захотел брать на себя никакой ответственности, – продолжила Ванья, покачивая головой. – Когда появился Вальдемар, они решили о нем не рассказывать.

– Вообще?

– Да. Она утверждает, что не хотела меня травмировать. Тем более что Ханс Оке Андерссон умер через восемь месяцев после моего рождения и у него не осталось родственников.

У Ваньи вдруг сделался сердитый вид. К ней вернулась сила, и уже не только глаза были полны энергии. Теперь он узнавал ее.

– Она, вероятно, считает меня дурочкой. Через несколько месяцев она вдруг извлекает имя кого-то, кто чрезвычайно удачно оказывается умершим. Неужели она действительно думает, что я на это поведусь?

Себастиан предположил, что вопрос риторический, и промолчал. Ванья все равно не ждет от него ответа. Слова лились из нее потоком, выплескивая сдерживаемое возмущение, только и ждавшее возможности вырваться наружу.

– Почему она в таком случае не могла показать эту чертову могилу раньше? Почему выжидала несколько месяцев?

– Не знаю, – честно ответил Себастиан.

– А я знаю. Потому что это гнусная ложь. Она просто пытается... закрыть дверь. Заставить меня заключить с ними мир.

Себастиан стоял молча. Он толком не знал, какую избрать стратегию. Защищать Анну? Помочь ей заставить Ванью поверить в ложь и идти дальше или поддержать скепсис Ваньи? Вбить еще один клин в их отношения. Что принесет ему в перспективе больше пользы? Поло-

жение сложное, но нужно выбирать. Ванья покачала головой и сделала глубокий, успокаивающий вдох.

– Единственное, что может заставить меня хотя бы задуматься о прощении, это полная откровенность с их стороны. Они должны перестать врать. Понимаешь?

Себастиан решил поддерживать Ванью. Так показалось лучше. Это давало выигрыш во времени. И прежде всего близость.

– Я понимаю. Тебе, должно быть, пришлось очень тяжело, – сочувственно произнес он.

– У меня нет сил продолжать с тобой ссориться, – тихо проговорила Ванья, честно глядя на него увлажнившимися глазами. – Я не в силах сражаться со всем миром. Это невозможно.

– Со мной тебе незачем сражаться, – ответил он с максимальной осторожностью.

Ванья слабо кивнула и посмотрела на него с откровенной мольбой.

– Тогда ты должен рассказать: был ли ты каким-либо образом причастен к тому, что Риддарстольпе не рекомендовал меня в ФБР? Это из-за тебя меня прокатали?

Себастиану пришлось напрячься, чтобы не выдать удивления. Как они опять угодили в этот разговор?

– Я ведь уже говорил, – сказал он, чтобы выиграть немного времени и собраться с мыслями.

– Повтори, – попросила Ванья, не спуская с него глаз. – Честно. Мне было бы легче смириться с этим, если дело действительно обстоит так, чем с тем, что люди, которые мне небезразличны, продолжают мне лгать.

Себастиан посмотрел на нее с максимально возможной искренностью и постарался принять вид, не уступающий в откровенности ее горю. При том, сколько было поставлено на карту, это показалось легко.

– Нет, – солгал он, обнаружив, к своей радости, что голос у него немного дрогнул от серьезности момента. – Честное слово, я не имел к этому никакого отношения.

Он заметил, как она выдохнула, как ее плечи опустились от облегчения, и у него потеплело на душе от гордости. При правильной концентрации он потрясающе хорошо умеет лгать. Он, наверное, смог бы заставить ее поверить в то, что Земля плоская.

– Одно то, что ты допускаешь мысль... – начал он с печалью в голосе, чтобы как следует закрепить ложь, но она подняла руку и прервала его.

– Не надо больше ничего говорить. Я предпочитаю тебе верить.

Себастиан быстро отключился от только что возникшего самодовольства. Что она сказала? Она *предпочитает* ему верить.

– Что это означает? – с искренним любопытством спросил он.

– Именно то, что я сказала. Я предпочитаю тебе верить, потому что мне это необходимо.

Себастиан смотрел на дочь, которая, казалось, вновь была близка к тому, чтобы расплакаться. В сложившейся ситуации ей действительно необходим хоть кто-то, и она выбрала его. Предпочесть верить ему – не то же самое, что полагаться на него. Но на большее она сейчас неспособна, предположил Себастиан. Теперь в его власти доказать ей, что она приняла верное решение.

– Я не собираюсь тебя разочаровывать, – сказал он.

– Ну и хорошо. – Она расплылась в улыбке, шагнула вперед и обняла его.

Она обнимала его крепче и дольше, чем он когда-либо смел надеяться.

Эрику доложили, что Ян Седер сидит в одной из двух допросных, в конце коридора. Эти комнаты носили такое название, но Эрик знал, что допросы в них проводятся не слишком часто. В основном комнаты использовались для развивающих бесед, телефонных разговоров, небольших совещаний и иногда для того, чтобы немного вздремнуть.

Фредрика сообщила, что Седер, похоже, не удивился, когда они приехали его забирать. Не рассердился и не упрямился. Поехал с ними в высшей степени добровольно. Они не сказали, почему хотят поговорить с ним, хотя он неоднократно об этом спрашивал. Просто сослались на события, в которые хотят внести немного ясности, а в детали не вдавались. Имевшийся у них на него материал Фредрика собрала в папку. Копия для Эрика лежит на столе. Под конец Фредрика сообщила, что связывалась с Малин Окерблад – руководителем предварительного следствия и прокурором, и получила санкцию на обыск дома. Она уже отправила туда коллег.

Эрик с некоторым восхищением кивнул и попросил несколько минут на то, чтобы прочесть материал. Нет ли возможности тем временем раздобыть кофе чуть более высокой температуры, чем комнатная? Ему сообщили, что нет. У них в здании. Аппарату в выходные предстоит сервисное обслуживание.

Поэтому он уселся без кофе и открыл тонкую папку.

Ян Седер, 1961 года рождения. На пять лет старше Эрика. Проживает в небольшом родительском доме, в нескольких километрах от Карлстенов. Пенсия по болезни с 2001 года. Дважды женат и разведен. Обе жены были уроженками Тайланда. В настоящий момент живет один, с тех пор как русская женщина – которую он сам, видимо, называл «эта, которую ему привезли» – покинула его в прошлое Рождество после ссоры, завершившейся заявлением о побоях, которое позже забрала.

Эрик пролистал выписку из реестра правонарушений.

Неоднократное незаконное вождение автомобиля, вождение в состоянии алкогольного опьянения, лишение водительских прав, два задержания в соответствии с законом о задержании лиц в состоянии алкогольного опьянения, нарушение закона о производстве и распространении алкогольных напитков, самогонование и незаконная продажа алкоголя, угрозы и насильственные действия по отношению к лицам при исполнении, нарушения закона об охоте и еще одно заявление о побоях от одной из жен, которое тоже впоследствии забрали.

Эрик закрыл папку.

Алкоголь и недостаток самоконтроля.

Несомненно, пора поговорить с Яном Седером.

Он, съездившись, сидел у стола в простой белой футболке и потертых джинсах. Из-за небритых ввалившихся щек, рыжих волос, нуждавшихся в шампуне и парикмахере, и хорошо просматривавшихся под сухой кожей тонких кровеносных сосудов возле носа с небольшой горбинкой он выглядел, на взгляд Эрика, старше своих пятидесяти. Слегка налитые кровью глаза проследили за вышедшим из комнаты полицейским в форме. Эрик и Фредрика сели. Фредрика включила стоявший на столе магнитофон. Начала с сегодняшней даты, сказала, что проводится допрос Яна Седера и закончила тем, что в помещении присутствует также комиссар уголовной полиции Эрик Флудин. На этом Фредрика замолчала. Эрик слегка откашлялся и посмотрел в несколько усталые глаза Седера.

– Мы хотим немного поговорить о семье Карлстен.

Ян издал глубокий и откровенно усталый вздох.

– В чем теперь они меня обвиняют?

– Что вы сделали?

– Ничего, но сюда заходил парень, который взял, как это называется... – Он вытянул вперед слегка подрагивающую руку. – Он взял пробы с моих рук и попросил у меня куртку, рубашку и ботинки. В чем, собственно, дело?

Эрик предпочел не отвечать на вопрос. Пока.

– Вы позавчера угрожали Эмилю и Фреду Карлстенам перед бассейном после занятий в плавательной школе, – продолжил он, не спуская с Седера глаз.

– Я им не угрожал.

Эрик повернулся к Фредрике, которая открыла лежавшую перед ней на столе папку.

– Им следовало... – полистав тонкую пачку бумаг, Фредрика начала зачитывать оттуда: – чертовски хорошо остерегаться, чтобы под следующую пулю не угодил кто-нибудь из них.

– Это звучит как угроза, – вставил Эрик.

Ян Седер перевел взгляд с Фредрики обратно на Эрика и пожал плечами.

– Я тогда немного выпил.

– И все равно это угроза.

– Я был пьян.

– Знаете, что я думаю, когда такие люди, как вы, оправдывают свои глупости тем, что были пьяны?

В комнате повисла тишина. Седер, вероятно, предполагал, что Эрик собирается продолжить, не дожидаясь от него ответа. После нескольких секунд молчания он понял, что тот продолжать не собирается.

– Нет, я не знаю, что вы думаете.

– Я думаю: неужели они считают меня идиотом? – Эрик наклонился над столом. Не сильно, но достаточно для того, чтобы Седер слегка отпрянул. – Алкоголь не генерирует новые мысли, он заставляет человека озвучивать то, что уже присутствует у него в голове, но о чем ему хватает ума помалкивать, пока он трезв. Вы угрожали их жизни.

Ян кашлянул и явно забеспокоился. Он провел ладонью по седой щетине.

– Раз так, я могу попросить у них прощения. Если я напугал парня или вроде того.

Прежде чем Эрик успел ответить, у Фредрики завибрировал лежащий на столе мобильный телефон. Эрик бросил на нее неодобрительный взгляд, который она благополучно проигнорировала, посмотрела на дисплей и, к большому удивлению Эрика, ответила на звонок. В комнате наступило молчание, пока мужчины ждали окончания разговора. Слышались только поддакивание и односложные вопросы Фредрики.

– У вас не найдется немного кофе? – еще раз откашлявшись, спросил Седер.

– Горячего нет, – ответил Эрик в тот момент, когда Фредрика закончила разговор. Эрик уже собирался отпустить язвительный комментарий и продолжить допрос, но она наклонилась к нему и зашептала ему на ухо.

Прошептала она не много, максимум три предложения, прикинул Седер, но когда Эрик вновь переключил внимание на него, казалось, будто именно эти предложения придали ему новой энергии.

– У вас есть лицензия на два нарезных ствола и дробовик, – начал он, открывая принесенную с собой маленькую папку. – Дробовик... – Эрик посмотрел в лежавшие перед ним бумаги. – Benelli Supernova, двенадцатого калибра. Это соответствует действительности?

Седер кивнул.

– Пожалуйста, отвечайте словами, – быстро вставил Эрик. – Для записи, – пояснил он, кивая на магнитофон.

– Да, – излишне громко и отчетливо сказал Седер. – У меня есть Benelli Supernova, двенадцатого калибра.

– Сейчас звонили коллеги, которые проводят у вас дома обыск. – Эрик сделал маленькую паузу и опять наклонился вперед. На этот раз еще ближе к собеседнику. С жадным нетерпением. – Они не могут найти это оружие. Вы можете сказать, где оно?

– Его украли.

Ответ прозвучал быстро и естественно. Был ли это честный спонтанный ответ или заранее отрепетированный, Эрик определить не мог. Но у него есть четверо убитых, расстрелянных из дробовика, а Ян Седер не знает, где его дробовик.

Какое совпадение.

Он не собирался сразу отбрасывать эту линию.

– Когда его украли?

– Вроде несколько месяцев назад. Где-то перед Рождеством.

– Я не вижу никакого заявления по этому поводу, – сказал Эрик, показывая на лежащую на столе папку.

– Я не заявлял.

– Почему?

Губы Яна Седера растянулись в едва заметной улыбке, впервые с тех пор, как Фредрика и Эрик зашли в комнату. «После посещения парикмахерской ему следует сходить к зубному врачу», – подумал Эрик.

– А зачем? Вы ведь за последние десять лет не раскрыли ни единой квартирной кражи.

Эрик подумал, что процент раскрытия квартирных краж действительно постыдно низок, но большинство законопослушных граждан все равно подают заявления о кражах. Особенно оружия. А Седер нет. Значит, он еще и не отличается законопослушностью.

– Такое ружье стоит, наверное, около десяти тысяч крон. – Эрик немного отодвинулся обратно, и его голос приобрел такой тон, будто он просто ведет непринужденную беседу.

– Около того, – Седер слегка пожал плечами, словно желая подчеркнуть, что не знает, сколько сейчас стоит Benelli Supernova двенадцатого калибра.

– Довольно большие деньги. Неужели вам не хотелось получить их по страховке? Для получения страховки необходимо подать заявление в полицию.

– У меня нет никаких страховок.

– Вообще никаких? – не смогла сдержаться Фредрика. Седер повернулся к ней.

– Разве это предписано законом?

– Нет, это немного глупо, но не противозаконно.

Седер опять пожал плечами. Затем почесал нос и скрестил руки на груди. Его поза явно давала понять, что он считает эту тему исчерпанной. Эрик был склонен с ним согласиться. Дальше им не продвинуться. Пора снова приближаться к Карлстенам.

– Где вы были вчера? – спросил он опять таким тоном, будто они просто пьют вместе кофе.

Эрик Флудин ударил по бесполезному кофейному автомату. Он сильно нервничал. Допрос пришлось прервать, когда Седер потребовал адвоката. Сам он, естественно, никого предложить не мог, поэтому теперь они ждали, пока до Турсбю доберется общественный защитник. Уехавшая в родительский дом Седера Фредрика только что позвонила и сказала, что пока ни одна из находок не позволяет привязать Седера к преступлению в нескольких километрах от дома. Зато один из криминалистов обнаружил в сарае на окраине его владений шкуру волка. Недавно убитого, поскольку шкура была обработана и натянута на просушке. Фредрика сухо констатировала, что они, наверное, смогут привлечь Седера к судебной ответственности за еще одно нарушение правил охоты, если им не удастся найти что-нибудь другое, после чего она положила трубку. Да еще и кофе нет.

Они не сдвинулись с места. У них есть угроза со стороны Седера и только. Если им не удастся к чему-нибудь его привязать, то придется, в принципе, начинать все по новой. Для Эрика это было первое крупное расследование после назначения. Потерпеть неудачу нельзя, а время идет. Убийца имеет уже около полутора суток преимущества, самые важные двадцать четыре часа миновали с лихвой.

Вероятно, им потребуется помощь.

Ему требуется помощь.

Он мало к кому мог обратиться. Ханса Уландера, начальника полиции Карлстада, он отбросил сразу. Уландер открыто поддерживал конкурента Эрика, Пера Карлссона, когда оба претендовали на должность комиссара уголовной полиции с расширенными полномочиями.

Когда вопрос с назначением решился, первыми словами Уландера, обращенными к Эрику, были: «Посмотрим, что из этого получится». Просить его о помощи всего два месяца

спустя нельзя. Кроме того, Уландер в телефонном разговоре уже намекнул на то, что с удовольствием возьмет расследование себе, поскольку сложность требует, как он выразился, «старшинства». Ответственность за расследование осталась за Эриком только благодаря тому, что Анна Бредхольм, начальница полицейского управления лена, ему доверяла – во всяком случае, на тот момент. Но Анна была близкой подругой Пийи, и звонить ей с просьбой о помощи он не хотел. Получилось бы, что он делает карьеру, используя контакты жены. Подобные недоброжелательные слухи уже ходили, и ему никоим образом не хотелось их раздувать. Нет, ему требовался кто-то, никак не замешанный в политических играх Вермланда.

«Не справляться со всем самому вовсе не стыдно», – частенько говорила ему мать. Это, естественно, правда, но какое он создаст о себе впечатление, если при первом же крупном расследовании уже на вторые сутки пригласит кого-нибудь извне? Чтобы догадаться, что подумает Уландер, не требуется быть гением, но вот остальные... Он подорвет собственный авторитет, усложнит себе жизнь. Будет выглядеть слабым.

«Все едино», – подумал он. Если убийства Карлстенов останутся нераскрытыми, он будет выглядеть некомпетентным. Это еще хуже.

Он внутренним зрением увидел маленького мальчика, застреленного в гардеробе.

Пора вызывать на помощь самых лучших.

Ему никогда не бывало трудно смотреть на нее.

Напротив, он обычно любил скользить взглядом по ее губам, носу и щекам, чтобы в итоге остановиться на глазах. Иногда он потихоньку наблюдал за ней в офисе. В том, чтобы стоять и смотреть на нее, когда она этого не осознает, таилось нечто особенное. Чаше всего она, разумеется, чувствовала, что за ней наблюдают, и тогда он поспешно отводил взгляд и пытался изобразить непринужденный вид, но когда он потом смотрел в ее сторону, то замечал, что она улыбается.

Правда, в последнее время перед несчастьем он, к сожалению, ловил в основном ее озадаченный взгляд.

Вот такое развитие претерпели их отношения. В неправильную сторону. Как это случилось, он не знал.

Она собиралась разводиться с Микке, и Торкель надеялся сменить статус любовника на роль спутника жизни. Но этого не случилось. Отнюдь. Они виделись все реже. Она его избегала. Он скучал по ней.

Ему было трудно смириться с тем, что она видела в нем только любовника. Однако теперь он оказался перед еще более трудным испытанием, чем разочарование: ему предпочли другого.

Он больше не мог смотреть на ее лицо.

Вот как сейчас, когда она лежит на диване в гостиной, покрытая шерстяным одеялом в красную крапинку. Как он ни пытается, он видит только белую повязку, закрывающую ее правый глаз и затмевающую любимое лицо. Он знает, что надо встретиться с ней взглядом, но почему-то не может себя заставить. Выпущенная из пистолета пуля разорвала на части ее правое глазное яблоко и зрительный нерв, но, к счастью, прошла настолько косо, что вышла через висок, по словам врачей, не нанеся слишком большой травмы. Однако правый глаз оказался утерян навсегда.

Он встал, чтобы ненадолго отвлечься от повязки. Направился в сторону кухни.

– Хочешь еще кофе?

– Налей себе, – ответила Урсула. – У меня еще есть.

Торкель посмотрел на чашку в руке и почувствовал себя глупо – он почти не прикоснулся к своему кофе. Очевидно ли, что он сбегает? Но повернуть обратно уже нельзя, поэтому он все-таки пошел на кухню.

– Я немного долью, – сказал он, в основном себе.

Голос Урсулы последовал за ним.

– Как себя чувствует Ванья?

Торкель остановился возле стоящей рядом с плитой кофеварки.

На самом деле он не имел представления. В последнее время он не думал ни о ком, кроме Урсулы. Почти не бывал в офисе и, собственно, надеялся, что его команда еще долго не потребуется для каких-либо заданий. Ему хотелось сосредоточиться на Урсуле.

– Думаю, хорошо, – в конце концов ответил он.

– Ты уверен? – в голосе Урсулы чувствовалось сомнение. – Она позавчера заходила. Тогда она казалась довольно подавленной.

Слушая ее слова, Торкель якобы добавлял в чашку несколько капель свежего кофе.

– Мы с ней довольно мало виделись, – признался он. – Я слышал, что у нее какие-то проблемы дома. Но, честно говоря, не знаю.

Ему хотелось сказать: «Я думал в основном о тебе». Он повернул обратно в гостиную и снова сел.

– Да, ты много времени проводил со мной, – сказала Урсула и впервые за долгое время улыбнулась ему. – Я тебе за это очень благодарна, – продолжила она.

Она медленно потянулась и взяла его за руку. Ее рука была теплее обычного. Но такой же мягкой. Он почувствовал, как ему не хватало этого – прикосновения.

Как, оказывается, до смешного мало требовалось. Он постарался сосредоточиться на уцелевшем глазу. Серо-голубая радужная оболочка. Глаз выглядит усталым. Но все равно это она. Там, внутри. На секунду ему удалось забыть о проклятой повязке.

– Ты каждый день навещал меня в больнице и постоянно приходишь сюда. Я очень ценю это, но в то же время... – Урсула засомневалась. – ...У меня немного странное чувство.

– Тебе это неприятно?

– Сказать честно?

Она осторожно выпустила его руку и отвернулась от него. Другого ответа Торкелю не требовалось. Но она продолжила, хотя уже все сказала.

– У меня двоякое чувство. Трудность в том, что ты хочешь больше, чем я. Ты заботаешься обо мне, а я тебя только разочаровываю.

– Ты меня не разочаровываешь.

– Уже разочаровала. Разве не так?

Торкель кивнул. Она права. Притворяться не имеет смысла. У него так много вопросов. Но один заслоняет все остальные.

Что она делала дома у Себастиана?

То была не просто случайность. В этом он не сомневался.

Он тщательно изучил все протоколы допросов Эллинор Бергквист и Себастиана из полицейского расследования. Они представляли собой 149 плотно исписанных страниц. Из допроса в допрос Эллинор утверждала, что долгое время состояла с Себастианом в интимных любовных отношениях. Они полюбили друг друга с первого взгляда, и он попросил ее переехать к нему. Дальше Эллинор страница за страницей описывала их с Себастианом быт, который больше всего напоминал типичный семейный уклад пятидесятых. Она готовила еду и украшала квартиру, каждую пятницу покупала цветы, а он зарабатывал деньги, приходил домой к накрытому столу и желанному сексу. Так продолжалось месяцами вплоть до того, как он однажды вышвырнул ее и сменил замки, следствием чего и стало то, что она приставила пистолет к глазку на его входной двери. Ее целью было показать Себастиану, что с ней нельзя обращаться как угодно. Она хотела ранить или убить его. Раз за разом она повторяла, что не знала о том, что в квартире находился кто-то еще.

Тот Себастиан Бергман, который представал из этих 149 страниц, Торкеля удивил. Он совершенно не узнавал человека, которого когда-то называл другом и полагал, что все-таки

хорошо его знает. Поначалу, прочитав только допросы Эллинор, Торкель не сомневался, что она лжет. Со всей очевидностью следовало, что у нее не все дома. Результат большой судебно-медицинской экспертизы еще не был готов, но Торкель несколько не сомневался в том, что, когда примерно через месяц начнется судебный процесс, Эллинор приговорят к принудительному психиатрическому лечению.

Однако допросы Себастиана, по большому счету, подтвердили все сказанное ею, хотя он по-другому объяснял, как она оказалась у него дома. Она переехала к нему, чтобы быть в безопасности от Эдварда Хинде, и потом вроде как осталась. Но в остальном он полностью подтвердил ее рассказ. Себастиан, который в принципе никогда не встречался с женщиной больше одного раза, долгое время имел постоянную сожительницу.

Себастиан чувствовал себя очень плохо и выражал во время допросов большое беспокойство, но, тем не менее, ни разу не посетил Урсулу в больнице. Во всяком случае, насколько знал Торкель. Возможно, испытывал слишком большой стыд и был не в силах. Торкель не имел представления. Чтение протоколов допросов только подтвердило то, что он знал и так: он совершенно не понимает Себастиана Бергмана.

Он почувствовал необходимость задать вопрос.

– Себастиан тебя навещал?

– Один раз.

Торкель видел по Урсуле, что ей хочется сменить тему, но все-таки продолжил. Не мог не разобраться.

– Как такое возможно? Я его не понимаю.

– А я понимаю, – ответила она с некоторой печалью в голосе. – Он мастер избегать всего, что причиняет боль.

– Не слишком хорошее качество.

– Я думаю, это скорее некий защитный механизм, и обычно утешаю себя тем, что от этого, наверное, больше всего страдает он сам.

Она опять взяла его руку. Торкель почувствовал, что у него горят щеки. Она его, по крайней мере, понимает. Он долго жил мечтой об Урсуле. Можно пожить так еще немного.

Быть понятым – лучше, чем ничего.

Но она была дома у Себастиана. Не у него.

Он попытался отбросить эту мысль и сосредоточиться на тепле, исходящем от ее руки. Хотя прикосновение должно бы приносить успокоение, но нет. Даже отсутствуя, Себастиан стоял между ними.

Его мысли прервал звонок телефона.

Минивэн ехал по шоссе E20 в западном направлении.

За рулем, как всегда, сидел Билли. Он, как всегда, ехал слишком быстро. Раньше Торкель обычно просил его сбавить скорость. На этот раз нет. Он смотрел в окно, наблюдая за окружающими дорогу с обеих сторон рядами сосен. Стоит покинуть крупные населенные пункты, как кажется, что Швеция состоит исключительно из этого: лес, лес и снова лес. На последнем сиденье сидели Себастиан и Ванья. Рядом. Торкель находил это удивительным. В последний раз, когда он видел их вместе, Ванья подчеркнуто сторонилась Себастиана. Что-то, вероятно, произошло.

Перед ними, на сиденье, где обычно ездила Урсула, стоял их багаж.

Вдруг Торкель услышал, как Себастиан усмехнулся. Похоже, Ванья рассказала что-то забавное. На месте Урсулы стоит багаж, а Себастиан смеется так, будто ничего не случилось. Снова обратив взгляд к бесконечному лесу, Торкель ощутил еще большее раздражение.

Через несколько часов они свернули на дорогу 62, которой предстояло довести их до городка Турсбю, в северной части Вермланда. Билли там еще никогда не был и подозревал, что никому из остальных там тоже бывать не доводилось. На домашней страничке муниципалитета гордо сообщалось, что именно в Турсбю Свен-Йоран «Свеннис» Эрикссон и Маркус Берг² впервые выполняли дриблинг и что здесь имеется единственный в Швеции специальный туннель для лыжных гонок. Свенниса Билли знал в основном по разным историям с женщинами, которые читал в вечерней прессе, кто такой Магнус Берг представления не имел, а на равнинных лыжах не бегал с тринадцати лет.

«Я просто пошутила. Я пошутила, дорогой».

Билли очень хорошо помнил эти слова. Они тогда раскрыли дело с массовым захоронением в горах Йемтланда. Он застрелил Чарльза Седерквиста. Однажды утром он вручил Мю ключ от квартиры. Когда она обняла его, она прошептала, что следующий шаг – женитьба. В мае. Она увидела его изумленную и, видимо, испуганную физиономию. Поэтому она снова обняла его.

«Я просто пошутила. Я пошутила, дорогой».

Именно так она и сказала.

Дословно.

Но когда двумя месяцами позже она пришла со списком приглашенных из 150 человек и спросила, не хочет ли он помочь ей немного укоротить список, он понял, что свадьба в мае уже больше не шутка, а в высшей степени реальность.

Мю.

Он любит ее. В этом он не сомневался.

Но все произошло так быстро.

К празднику середины лета они будут год как знакомы. И уже больше месяца женаты.

Его попытки замедлить движение к алтарю были бесплодными и представлялись жалкими по сравнению с ее страстной убежденностью в том, что для них это правильный шаг. Не дать согласия на общее будущее казалось мелочным, будто он не любит ее.

Он любил ее очень сильно.

Любил все, от ее неиссякаемой энергии до ее особенного взгляда, когда они лежат рядом в постели. Ему нравилось, что она доводит до конца все, за что берется. Ему нравилось, что она заставила его расти. Вместе с ней он чувствовал себя единственным мужчиной на свете, а для человека, который всегда воспринимал себя лишь сторонним наблюдателем, это потрясающее ощущение.

Поэтому он сдался, устыдился своей осторожности.

По правде говоря, он не мыслил себя человеком, который когда-либо женится. Вероятно, на него наложил отпечаток развод родителей. Ему было тогда девять лет, и он много раз чувствовал себя взрослее родителей, когда те настраивали его против друг друга. Впрочем, основная проблема заключалась в том, что все произошло очень быстро. Это было не в его правилах. Он привык вдумчиво структурировать и анализировать, а Мю непрерывно предлагала ему посмотреть новые залы, примерить новую одежду, высказать мнение по поводу новых идей приглашения. Под конец он сдался, понял, что их главный совместный момент станет исключительно ее моментом. Что он опять стоит немного в стороне и анализирует вместо того, чтобы принимать полноценное участие. Так оно и было. Он уговаривал себя, что все нормально. Правда, все-таки надеялся, что раскрыть убийства в Турсбю окажется просто и он сможет уехать обратно, чтобы продолжить планировать вместе с ней. Однако этого ничто не предвещало. Уничтожена целая семья. Доказательства против единственного подозреваемого,

² Свен-Йоран «Свеннис» Эрикссон, 1948 г., шведский футбольный тренер с мировой известностью; Маркус Берг, 1986 г., известный шведский футболист. Оба родились в Турсбю.

насколько он понял, слабые. Обычно по пути на задание он был сосредоточен и рвался в бой, но сейчас был рассеян. Словно в настоящий момент, где бы он ни находился, он был не в том месте.

Билли попытался отбросить эти мысли и сосредоточиться на однообразной дороге. Машин мало, спидометр проскочил за 140 км/час. Билли, по собственному почину, слегка сбавил скорость. Обычно Торкель обращал его внимание на превышение скорости, но он почти всю поездку сидел молча и в основном смотрел в окно. Торкель за последнее время, казалось, несколько постарел. Возможно, ничего удивительного, то, что произошло с Урсулой, Билли тоже потрясло. Она, наряду с Торкелем, была в команде ведущей фигурой, и не хватать ее будет не только Торкелю, а всей группе, и особенно ему самому. Ему придется держать под контролем все технические вопросы, и он не знал, достаточно ли он готов в одиночку отвечать за столь важную функцию. Команда тоже в каком-то смысле лишилась глаза.

Парочка на заднем сиденье, однако, вовсе не казалась особенно удрученной. «Странно», – подумал Билли, бросив на них взгляд в зеркало заднего вида. Когда он в последний раз видел Ванью, она была страшно зла на Себастиана и убеждена в том, что он пытается испортить ей жизнь.

Сейчас же они выглядели как двое детей, направляющихся в лагерь.

В последнее время Билли все больше убеждался, что постоянные попытки Себастиана подружиться с Ваньей связаны с тайным интересом. Все началось с того, что Себастиан попросил Билли поискать адрес некой Анны Эрикссон, когда они впервые встретились в Вестеросе. Анна Эрикссон в декабре 1979 года написала письмо матери Себастиана, и тому требовалось ее разыскать. Тогда Билли не придавал этому особого значения, но позже сообразил, что мать Ваньи зовут Анна Эрикссон. В следующий раз ее имя всплыло в списке потенциальных жертв убийцы, которых объединяло только то, что они все когда-то занимались сексом с Себастианом. Следовательно, тот имел связь с матерью Ваньи, а Ванья родилась в июле 1980 года, примерно через семь месяцев после написания того письма.

Но окончательно Билли убедился в том, что Себастиан приходится ей отцом, когда им с Ваньей сообщили, что Вальдемар таковым не является.

Явный перебор случайностей.

Чем дольше Билли думал, тем больше находил подтверждений. Себастиан использовал любой шанс для сближения с Ваньей. Но всегда без сексуальных помыслов. Билли доводилось видеть, как Себастиан обхаживает других женщин. Тот действовал открыто. Не скрывая своих намерений. Он флиртовал даже с Урсулой. А с Ваньей никогда. Никогда. Тем не менее, он все время стремился находиться возле нее.

Внезапно Билли почувствовал, что ему необходимо узнать, правда ли это. На сто процентов. Он не может просто спокойно продолжать жить с этой мыслью и ничего не предпринимать.

Он заметил, что скорость опять превышает 140. На этот раз он не стал ее сбавлять. Уж лучше доехать до Турсбю и взяться за дело.

Свернув с дороги, чтобы, согласно указаниям, припарковаться позади дома 22 на Бергебюэген, они увидели, что перед домом собралось человек десять. Камеры и микрофоны подсказали Торкелю, что это журналисты. Кроме того, он даже узнал одно из лиц. Аксель Вебер из газеты «Экспрессе». Их взгляды мельком встретились, когда минивэн сворачивал в открытые ворота. Торкель успел заметить, что Аксель отошел немного в сторону и сунул руку в карман. Десятью секундами позже у Торкеля зазвонил телефон. Он ответил простым «да».

– Вы в Турсбю? – напрямик спросил Вебер, даже не поздоровавшись.

– Возможно.

– Тогда что вы можете сказать об убийстве семьи?

– Ничего. – Торкель открыл дверцу и вышел из машины. Хотя по пути все они сидели удобно, размять ноги после поездки было приятно. Он увидел, что из задней двери появился мужчина лет пятидесяти и быстрым шагом направился к ним. – Я еще даже не встречался с ответственным следователем, так что вам придется немного подождать.

– Но вы смогли бы позвонить после встречи с ним?

– Нет, вероятно, не смогу. – Торкель закончил разговор и сунул телефон в карман, и тут к ним как раз подошел мужчина из дома.

– Здравствуйте, Эрик Флудин. Хорошо, что вы смогли приехать. – Он легким кивком приветствовал всех, но руку протянул Торкелю.

– Торкель Хеглунд, – сказал Торкель, пожимая руку.

Остальные члены команды тоже представились новому коллеге, и все вместе вошли в здание, которое Торкель при первом взгляде посчитал бывшим помещением для проведения техосмотра.

Собрав всех на кухне, Эрик начал с извинений за отсутствие кофе, затем выразил радость по поводу того, что Госкомиссия согласилась им помочь, после чего быстро рассказал о том, что им известно об этой семье и четырех убийствах. Билли, Ванья и Торкель внимательно вслушивались в отчет, иногда задавая уточняющие вопросы. Себастиан отключился. На этом этапе работы, когда местная полиция передавала им дело, он обычно пил кофе где-нибудь в стороне и слушал вполуха. Но поскольку в этой богом забытой дыре невозможно было даже раздобыть немного горячего напитка, слушать он тоже не стал и просто сидел, погрузившись в собственные мысли.

– Как вы хотите действовать? – голос Эрика Флудина вернул его обратно к действительности. Передача дела закончена, и с этого момента дальнейшая работа возлагается на Торкеля.

– Значит, у вас есть один подозреваемый, этот Седер? – вслух уточнила для себя Ванья.

– Ну, то есть... – Эрик сомневался. – Он угрожал семье, но сейчас складывается впечатление, что у него, возможно, есть алиби.

– Ванья и Себастиан, возьмите его на себя, – распорядился Торкель, вставая. – Мы с Билли поедem на место преступления.

– Я прослежу за тем, чтобы с вами поехала Фредрика, – сказал Эрик и покинул их.

Себастиан смотрел на Торкеля, который собирал разложенные перед ним по столу бумаги.

Торкель и Билли.

Он сам и Ванья.

Ему это подходило идеально, но не хотел ли Торкель подчеркнуть таким образом свое негативное к нему отношение?

За проведенное в машине время, по пути в Турсбю, они сказали друг другу довольно мало. Пожалуй, предложений десять. Себастиан попытался припомнить, разговаривали ли они раньше во время поездок больше, но пришел к выводу, что нет, не больше. В прошлый раз, насколько ему помнилось, было примерно так же. По пути из Эстерсунда до горной турбазы, название которой он забыл. Кроме того, с точки зрения их профессиональных качеств, Торкель сделал совершенно правильный выбор. На месте преступления Себастиан приносил мало пользы, почти никакой. Зато в ситуации допроса они с Ваньей составляли практически непобедимую команду.

Однако его все-таки не покидало ощущение, что когда-нибудь им придется поговорить о том, что на самом деле произошло в тот вечер.

Поговорить об Урсуле.

Но не сейчас.

Они сидели в комнате, которая вообще-то была слишком мала, чтобы именоваться офисом, но все-таки в ней стояли пять письменных столов. Четыре стола располагались возле окон напротив друг друга, по два, и еще один находился сразу налево от двери. Себастиан сидел возле одиночного стола, рассеянно глядя на прикрепленные скотчем детские рисунки и фотографии чьей-то жены и детей, и слушал уже проведенный допрос Яна Седера.

На пленке говорили об угрозах и украденных ружьях, а теперь явно углубились в страховки. Пока ничего интересного. Себастиан взял со стола ручку и пририсовал одному из моллюсков перед собой большой пенис. Улыбнулся про себя. Вроде глупая выходка, но все равно здорово.

«Где вы были вчера?» – слышался на пленке вопрос Эрика в будничном тоне, и Себастиан увидел, как Ванья наострила уши. Сам он отложил ручку и откинулся на спинку стула. Задумался, может ли кому-нибудь не понравиться, если он положит ноги на стол, решил наплевать на это, и незамедлительно поймал на себе неодобрительный взгляд Эрика, который благополучно проигнорировал.

«Вчера?»

«Да, вчера», – повторил Эрик.

«Я был в Филипстаде», – сразу ответил Седер.

«Когда вы туда отправились?»

«Во вторник вечером».

«А вернулись обратно?»

«Сегодня. В первой половине дня. Я пробыл дома около часа, когда вот она приехала и забрала меня».

– Вот она – это он указывает на Фредрику, – вставил Эрик.

Ванья кивнула. Сделала запись в лежавшем перед ней блокноте. Если Седер сказал правду, то в день совершения убийства его не было поблизости от Турсбю.

«Как вы добирались туда и обратно?» – спросил на пленке Эрик.

«На триста третьем до Хагфорса и потом на триста втором до Филипстада».

– Здесь он дает нам вот это, – сказал Эрик, когда запись опять смолкла. Он протянул пластиковый пакет с какой-то бумажкой. Ванья взяла пакет. Смятый билет транспортной компании Вермланда.

Туда и обратно.

Туда – позавчера. Обратно – сегодня.

«Что вы там делали?» – продолжился допрос из громкоговорителя.

«Был у друзей».

«Все время?»

«Да, мы немного погуляли, так что... да, все время».

«Дайте мне, пожалуйста, имена и номера телефонов друзей».

На пленке слышался треск, когда Фредрика протягивала ему блокнот и ручку.

«А в чем, собственно, дело?» – слышался потом вопрос Седера.

На некоторое время наступила тишина, будто полицейские в допросной взвешивали, как им поступить, насколько много следует рассказывать, но пришли к выводу, что рано или поздно придется сообщить Седеру, почему его арестовали.

«Семью Карлстен убили, – сказал Эрик. – Их застрелили из дробовика. Что вы можете об этом сказать?»

Эрик выключил магнитофон.

– Об этом он ничего сказать не мог. Во всяком случае, без присутствия адвоката. – Он вынул пленку и сунул обратно в футляр. Потом опять повернулся к Ванье.

– Фредрика звонила тем, кого он назвал, и те показания Седера подтвердили. У него есть алиби.

– Тогда почему он все еще сидит здесь? – поинтересовался Себастиан.

Эрик посмотрел на него – по-прежнему несколько неодобрительно, как это истолковал Себастиан. Он снял ноги со стола, встал и принялся расхаживать по свободному пятаку тесной комнаты.

– Насколько я понял, Седер считается алкоголиком с плохим самоконтролем, – продолжил он. – Ты ведь, кажется, так выразился?

Он остановился и посмотрел на Эрика вопросительно.

– Да.

– А теперь ты утверждаешь, что он спланировал все до малейших деталей, что он обзаводится фальшивым алиби и для подкрепления своей истории покупает автобусные билеты в Филипстад?

Эрик не ответил, поэтому Себастиан продолжил.

– Если он такой организованный, то он, наверное, не стал бы открыто угрожать семье накануне дня, когда собирался поехать к ним домой и расстрелять их.

– Я же говорю, что в настоящий момент складывается впечатление, что у него есть алиби, – строго сказал Эрик с плохо скрываемым раздражением. – Но мы по-прежнему можем обнаружить на его руках или одежде остатки пороха или крови. Если мы найдем пропавшее ружье, у нас для сравнения есть гильзы из дома. Мы еще не опрашивали соседей Карлстенов, кто-нибудь мог видеть Седера поблизости от их дома. Тогда мы снова будем на коне.

Себастиан покачал головой и не смог сдержать улыбки.

– Или же мы вернемся обратно во времени, встанем перед домом и увидим, кто их убивает. Это звучит более реалистично.

– Себастиан, хватит!

Ванья встала. Себастиан повернулся к ней. Ее взгляд потемнел. Себастиан слишком хорошо знал этот взгляд. Она на него злится. Ванья не спускала с него глаз еще несколько секунд, а затем обратилась к Эрику.

– Я прошу прощения, он... иногда ведет себя как идиот.

– Я с таким уже сталкивался, – ответил Эрик гораздо более мягким тоном, не отрывая взгляда от Себастиана. – С людьми, которые думают, что мы ни черта не умеем делать правильно, поскольку мы не из Стокгольма.

– Дело не в том, что ты живешь в захолустье, – любезно объяснил Себастиан. – Некомпетентность в крупном городе тоже не слишком популярна.

Ванья мысленно вздохнула. Вообще-то она не удивилась. Она знала, что Себастиан высокомерно плюет на то, что о нем думают, но работу местной полиции при первом удобном случае всегда критиковала Урсула. Себастиан обычно вел себя невыносимо по отношению к свидетелям и родственникам. Они как бы делили обязанности. А в отсутствие Урсулы Себастиан, похоже, собирался в одиночку настроить против них всех окружающих.

– Где сидит Седер? Мы хотели бы с ним поговорить, – снова обратилась она к Эрику.

Эрик, не сказав ни слова, прошел мимо Себастиана в коридор.

Когда они вошли в комнату, женщина лет сорока встала и протянула им руку.

– Флавия Альбректсон, адвокат Яна Седера.

Ванья поздоровалась и представилась, после чего выдвинула один из стульев с противоположной стороны стола и села.

– Флавия – необычное имя, – сказал Себастиан, удерживая ее руку, на взгляд Ваньи, излишне долго.

– Да.

– И красивое, – с улыбкой продолжил Себастиан, наконец выпустив руку. – Откуда оно происходит?

Ванья закатила глаза. Если бы адвокатом оказался сорокалетний мужчина по имени Флавий, Себастиану было бы совершенно наплевать на происхождение его имени.

– Не можем ли мы разобраться с этим потом? – как можно спокойнее поинтересовалась Ванья и улыбнулась Флавии, а затем подняла взгляд на Себастиана.

– Надеюсь, что сможем, – сказал Себастиан и тоже улыбнулся адвокату, которая на этот раз улыбнулась в ответ.

Себастиан выдвинул стул рядом с Ваньей и сел. Флавия тоже. Себастиан принялся ее рассматривать. Темные коротко подстриженные под пажа волосы обрамляют круглое открытое лицо. Вокруг глаз и на губах деликатный макияж. Поверх ворота тонкого серого шерстяного джемпера под костюмным жакетом жемчужное ожерелье. Маленькая грудь. На левой руке обручальное кольцо. Это чаще всего означало больше усилий. Больше начальное сопротивление, менее предсказуемый результат. Если уж он действительно собирается переспать с кем-нибудь в Турсбю, пожалуй, стоит начать с чего-нибудь попроще.

Посмотрев на Себастиана, Ванья поняла, что он не намерен вести допрос, и переключила внимание на слегка съездившегося мужчину рядом с корректно одетой женщиной. Он выглядел усталым.

– Расскажите нам о Карлстенах.

– Что, что я должен о них рассказать? – спросил Седер, пожимая плечами.

– Какого вы о них были мнения?

Седер фыркнул и покачал головой, что рассказало уже почти все, но он еще облек это в слова.

– Они были из любителей обниматься с волками и из таких членов партии зеленых с претензиями, чтоб и тут, и там было экологически чисто. Чертовы полицаи, из-за них в лесу нельзя было даже спокойно пописать.

– Поэтому вы угрожали Эмилю Карлстену возле бассейна.

– Я был пьян.

– Расскажите, что вы после этого делали, – продолжила Ванья, открывая блокнот. – Вплоть до того, как вас забрала из дома полиция.

– Он уже рассказывал, – вставила Флавия.

– Не нам.

Седер скрестил руки на груди.

Сделал глубокий вдох.

И начал.

Ванья и Себастиан сосредоточенно слушали. Ванья периодически вставляла вопросы или просила об уточнении. Минут пятнадцать спустя Седер умолк, с чуть ли не изнуренным видом. Он развел руками, показывая, что больше ничего сказать не может, и уткнулся подбородком в грудь. Ванья сверилась со своими записями. Все сказанное, похоже, совпадало с первоначальным допросом.

Она вздрогнула, когда Себастиан внезапно встал.

– Ружье.

– Что с ним? – поинтересовалась Флавия, следя за Себастианом взглядом.

– Это единственное, во что я не верю в твоём рассказе, – сказал Себастиан, опираясь о подоконник затемненного окна. – Что ружье украли, а ты об этом не заявил.

– Он же объяснил, почему так поступил, – возразила Флавия.

– Знаю, но я ему не верю. – Себастиан переключил внимание с Седера на его защитницу. Вероятно, он уничтожает шанс на секс, но тут уж ничего не поделаешь.

– Но это единственное, чему вы не верите? – уточнила Флавия и наклонилась вперед с видимым удовлетворением. – Означает ли это, что вы полагаете, что он невиновен?

– Да, – самоуверенно ответил Себастиан.

– Почему же он тогда здесь сидит?

– Потому что у меня нет полномочий, чтобы его отпустить.

Флавия расплылась в улыбке. Себастиан наблюдал за ней. Возможно, маленький шанс все-таки есть.

– То, что думает Себастиан, не обязательно совпадает с мнением Госкомиссии, – быстро вставила Ванья. – Он не полицейский.

Однако в одном пункте она была с ним согласна. В ее записях тоже стоял большой вопросительный знак вокруг сведений о ружье. Как раз там она уловила в интонации какую-то фальшь. Нюансы были ее сильной стороной. Билли иногда называл ее человеком-детектором лжи.

– У него есть алиби, – настаивала Флавия.

– Иногда человек создает себе алиби, если знает, что его в чем-то заподозрят. – Ванья закрыла блокнот и посмотрела адвокату в глаза. – Ружье по-прежнему может оказаться оружием убийства, даже если он не держал его в руках сам.

Себастиан скрестил руки на груди и с некоторым восхищением прислонился к окну.

– И возможно, только возможно, ваш клиент знал, что ружьем воспользуются, – закончила Ванья.

Работа по заказу. Или, пожалуй, скорее какая-то дружеская услуга. Себастиан мысленно кивнул. Это по силам даже алкоголику с плохим самоконтролем. Седер прожил в здешних местах всю жизнь. Унаследовал родительский дом. Он должен знать кое-каких охотников и землевладельцев, которые разделяют его мнение о Карлстенах. Кто-нибудь наверняка задолжал ему услугу. Расстрелять семью – адская услуга, но если Карлстены поссорились со многими, такое не исключено.

Алкоголь, тестостерон, стремление по-собачьи метить свою территорию.

Себастиану доводилось видеть людей, делавших странные вещи.

– Поэтому он останется здесь, – заключила Ванья, встала и направилась к двери. Себастиан остался стоять, глядя, как она уходит.

Она молодец. Действительно молодец.

Его дочь.

Когда они подъезжали к одиноко стоящему двухэтажному дому, примерно в двадцати минутах езды от города, их сопровождали последние лучи дневного света. Просторный светлый дом выглядел красиво и опрятно. Только слегка покачивающаяся на ветру бело-синяя оградительная лента показывала, что за красивым фасадом скрывается трагедия. Фредрика припарковалась рядом с белым «Ниссаном», который, как предположил Торкель, принадлежал самой семье. Она вышла из машины, сухо кивнула в сторону дома и осталась ждать. Билли припарковался рядом, быстро выскочил, поднял заднюю дверцу багажника и достал свою сумку. Торкель остался сидеть, присматриваясь к дому.

Перед ним предстала прямо идиллическая картина: дом, окруженный большим полем и несколькими живописными лиственными деревьями, которые только что начали покрываться почками. Чуть дальше вдоль шедшей параллельно полю дороги располагалось несколько темно-красных сараев и большая застекленная теплица. Насколько понял Торкель, Карлстены занимались, в небольшом объеме, экологическим сельским хозяйством, специализируясь на выращивании корнеплодов.

Он вышел из машины и подошел к каменной стене, образующей внушительный квадрат вокруг дома и расположенного перед ним газона. С внутренней стороны стены к ней были прислонены два небольших велосипеда для мальчиков, один синий, а второй зеленый. Ими явно активно пользовались. Чуть поодаль он увидел песочницу со стоящими на деревянной

раме пластмассовыми игрушками. Похоже, мальчикам тут жилось хорошо. Большой участок, много места, чтобы свободно играть.

От дома им навстречу направлялся мужчина в защитном костюме. Скорее всего, местный криминалист, который, по словам Эрика, еще не должен был уехать.

– Госкомиссия? – спросил мужчина Фредрику, которая по-прежнему стояла возле ворот.

– Да, – ответила Фредрика. – Ты возьмешь их на себя? У меня есть другие дела.

– Само собой, – сказал мужчина и повернулся к шагнувшему вперед Билли. Они пожали друг другу руки.

– Билли Русен, а это Торкель Хеглунд. Руководитель расследования, – представил их Билли.

Мужчина любезно кивнул обоим.

– Фабиан Хельстрем. Добро пожаловать.

Появление Госкомиссии его, казалось, ничуть не задело. Хорошее начало. Когда они забирали дела, Торкелю доводилось встречать значительно более холодный прием.

Они втроем двинулись к дому.

– Тела мы увезли, но я многое заснял.

– Мы кое-что видели в отделении. Вы, похоже, отлично поработали, – честно сказал Торкель. Насколько он мог заметить, пока команда Эрика ничуть не опростоволосилась.

– Спасибо. Тут довольно большое поле деятельности. Преступник побывал и на первом, и на втором этажах, так что я еще далеко не закончил.

– Какова степень уверенности в том, что преступник был один?

– Довольно большая. Мы обнаружили повсюду следы от ботинок сорок четвертого размера.

– А это не мог быть отец семейства?

Фабиан покачал головой.

– У него был сорок шестой или сорок седьмой размер, и среди его обуви ботинок с подходящей подошвой мы не нашли.

Они подошли к входной двери и остановились, чтобы надеть бахилы и резиновые перчатки. Торкель сразу увидел на каменном полу перед ними большие пятна засохшей крови.

– Карин Карлстен, мать, лежала здесь, – подтвердил Фабиан, указывая в сторону прихожей. – Мы предполагаем, что ее застрелили первой и что она открыла преступнику дверь.

Торкель кивнул и отступил на шаг. Хотел получить общую картину. Дверь, за ней прихожая, кровь. Он понял, что ему не хватает Урсулы. Дело не в том, что Билли некомпетентен, напротив, он работал вместе с Урсулой и так многому научился, что у Торкеля не было более предпочтительной кандидатуры. Но Билли не Урсула. Никто не умел так, как она, увидеть взаимосвязь, маленькую деталь, способную продвинуть расследование вперед.

– Когда соседская девочка обнаружила мать, входная дверь стояла открытой? – спросил он через некоторое время.

– Да, и мы не нашли каких-либо повреждений на двери черного хода или окнах, поэтому мы исходим из того, что преступник вошел и вышел этим путем.

Фабиан повел остальных двоих в дом. Сразу за прихожей открывалась большая кухня. Перед накрытым для завтрака столом лежал перевернутый стул. Повсюду кровь. На столе, на полу, и даже расположенная в нескольких метрах стена забрызгана кровью. Было не особенно трудно угадать, где лежала жертва. Вытекшая кровь образовала на половике возле перевернутого стула контуры маленького тела.

– Георг Карлстен, восемь лет, – уточнил Фабиан более слабым, чем прежде, голосом. Он присел и указал на кровавые следы маленьких босых ног, которые вели из комнаты и с каждым шагом утрачивали четкость, а потом и вовсе исчезали неподалеку от большой лестницы.

– Его младший брат тоже находился здесь.

– Кто, черт возьми, способен на такое? – вырвалось у Билли, который, присев, рассматривал отпечатки маленьких ног. – У них было много врагов?

– Пока мы обнаружили только этого Седера. Но многие считали их слегка не от мира сего, с их экологией и борьбой за окружающую среду. Немного чужаковатыми, – ответил Фабиан.

Торкель глубоко вдохнул, у него внезапно возникло очень неприятное ощущение: что-то в мисочке с овсяными хлопьями на столе и в присутствующей повсюду крови делало случившееся таким будничным и одновременно отвратительным.

– Когда нам попадаетесь нечто подобное, речь обычно идет о семейных конфликтах и распрях по поводу опеки, – заметил он.

– Здесь мы ничего такого не обнаружили, – сказал Фабиан. – Они были женаты двенадцать лет. Никаких контактов с социальными службами. У Карин есть сестра в Стокгольме, которую мы искали, но пока не нашли. Родители Эмиля уже умерли. Он был единственным ребенком.

Фабиан указал на слабый грязный след на полу возле половика.

– Это первый четкий отпечаток, который мы нашли, есть еще несколько на втором этаже, и они показывают рисунок полностью.

Билли присел и присмотрелся к следу.

– Какой размер обуви у Яна Седера?

– Мы можем это узнать, наши сейчас у него. Я послал им отпечаток.

Торкель решил. Ему не требовалось смотреть дальше.

– Поступим так. Я хочу, чтобы вы двое сосредоточились на доме. Внутри и снаружи. Расширьте территорию поиска. Преступник сюда каким-то образом добрался. Я хочу знать, как именно.

– Я обещал Эрику постараться еще заглянуть к Седеру, – попытался протестовать Фабиан.

– Ты не успеешь. Седер сидит, где сидит. Самое главное место здесь. Введи Билли в курс всех своих находок и никого сюда не подпускай, чтобы тут не шастал кто попало.

Фабиан кивнул со слегка удрученным видом. Направляясь к входной двери, Торкель постарался приветливо улыбнуться.

– А второй этаж вы не хотите посмотреть? – с удивлением спросил Фабиан. – Отец и второй мальчик лежали наверху.

Торкель покачал головой.

– Покажи Билли. Я хочу узнать побольше о семье. – Он повернулся к коллеге. – Билли, можно тебя на пару слов?

– Безусловно.

Они вышли на крыльцо. Торкель понизил голос и придвинулся поближе, чтобы разговор оставался между ними.

– Мне он показался вполне толковым, но перепроверь все, что он нашел. Меня немного беспокоит то, что они сразу заикнулись на Седере и могли упустить что-нибудь, ведущее в другом направлении.

Билли кивнул.

– Естественно.

Торкель благодарно положил руку на плечо Билли. Ваня всегда была из них двоих негласным фаворитом, но Билли за последний год здорово вырос. Он никогда не поднимает особого шума и не может похвастаться таким же чутьем, но всегда оказывается на месте, когда нужен.

– Я знаю, что в этот раз на твои плечи ложится очень многое. Но я собираюсь позвонить Урсуле и спросить, не сможет ли она немного нам помочь, – сказал он.

– Она же на больничном?

- Думаю, ей будет полезно понемногу начать включаться.
 - Я могу подсоединить ее, чтобы она получала доступ ко всему материалу.
- Торкель улыбнулся ему. Да, Билли всегда там, где он нужен.

Торкель узнал у Фабиана дорогу к семье Турссон и решил пойти пешком. По пути он позвонил Урсуле. Та даже, на удивление, обрадовалась вопросу, не согласится ли она участвовать в расследовании дистанционно, и сама попросила его проследить за тем, чтобы Билли поскорее подключил ее адрес.

Голос Урсулы, когда они обсуждали дело, приносил ему облегчение. Торкель слышал, что она оживает, будто ее внутренняя энергия получала какой-то выход, когда они говорили о конкретных вещах. Какими бы жестокими они ни были, ей это нравилось больше, чем говорить о чувствах.

Вполне в ее духе.

Лучше разбирается в мертвых, чем в живых.

Торкель пообещал позвонить ей позже вечером, чтобы они смогли обменяться впечатлениями о первом дне. Так они обычно и работали, и его обрадовало то, что Урсула оценила его предложение. Он остановился. Это дорога обратно? Возврат к уже знакомому, к тому, что у них уже когда-то было? Возможно, там-то он и совершил ошибку. Попытался превратить их отношения в обычные отношения между мужчиной и женщиной. Их близость строилась на том, что они вместе раскрывали преступления. Не на том, что они жили вместе и составляли пару, как все остальные.

Ему хотелось этого.

А ей вовсе нет.

Такова правда.

Дом Турссонов располагался к северу, позади рощи за домом Карлстенов, и, по словам Фабиана, туда вела узенькая тропинка. По ней в день трагедии пришла к дому соседская девочка Корнелия.

Рядом с заброшенной сушилкой Торкель быстро обнаружил утоптанную тропинку, уходящую тонкой змейкой в густой лес. Он прибавил шагу. Было приятно войти в свежий лес с его ароматами и очистить голову от зловонного запаха запертой смерти. Здесь, всего в десятке метров от прорезающейся во дворе зелени, весна продвинулась совсем не так далеко. Земля была по-прежнему влажной после зимы, и кое-где еще лежали разрозненные кучки снега, прежде всего с теневой стороны больших деревьев. Торкель поднялся на невысокий холм и остановился. Сквозь кустарник метрах в тридцати виднелся желтый дом. В просмотренном Торкелем материале о семье Турссон содержалось не особенно много. Мужчина и женщина лет сорока с дочерью. Муж работает в финансовом отделе муниципалитета, а жена – в здравоохранении. Их дочка часто играла с соседскими мальчиками. На Пасху они уезжали к родственникам и вернулись домой в среду вечером. На следующее утро Корнелия побежала к соседям и обнаружила трупы. Жаль, что Турссонов не было дома. Расстояние между домами невелико, Турссоны, вероятно, слышали бы выстрелы и смогли бы указать точное время убийства. Кроме того, это избавило бы их дочку от жуткого впечатления – от вида убитой Карин в прихожей. Правда, это с таким же успехом могло бы закончиться катастрофой, если бы они побежали к соседям посмотреть, что происходит, или, еще хуже, если бы их дочка уже играла там с мальчиками.

Торкель решил, что Турссонам все-таки повезло, что они предпочли отмечать Пасху не дома. Преступник действовал настолько хладнокровно, что мог бы без проблем убить еще кого-то. Еще многих.

Феликс Турссон открыл дверь и, увидев полицейское удостоверение, пригласил Торкеля в гостиную, где сидели остальные члены семьи. Мама с дочкой, которая обнимала ее так крепко, что, казалось, вообще не собиралась ее выпускать.

– Сколько же тебе лет? – приветливо спросил Торкель, когда мать назвала свое и дочкино имена: Ханна и Корнелия.

– Девять. Так ведь, солнышко, тебе девять? – Корнелия не подтвердила и не опровергла ее слова, только крепче прижалась к матери и уткнулась лицом ей в грудь.

Торкель уселся на один из диванов напротив и извинился за то, что помешал. Они понимающе кивнули, и Торкель почувствовал в их взглядах откровенную надежду: в их глазах он тот, кто поможет им понять произошедшее. Занавески были задернуты, и ни свечам, трепещущим на покрытом черным стеклом столике между двумя большими диванами, ни зажженным светильникам не удавалось освободить комнату от темноты и теней.

Неподвижность и нюансы темноты у Турссонов навели Торкеля на мысль о нескольких картинах, которые он видел в Рейксмузее Амстердама, когда был там с дочерьми. Они ездили туда в прошлом году, в осенние каникулы, в основном, в качестве компенсации за то, что Торкелю редко удавалось с ними общаться. Музей как раз открылся после длительной реставрации, и Вильме удалось увлечь с собой скептически настроенную старшую сестру и менее скептически настроенного отца. Торкеля приятно удивил Рембрандт, прежде всего передачей лиц в темноте. Люди, явно имеющие что-то на сердце, едва видимые в окружающей черноте, но, тем не менее, полностью раскрывающиеся в своей человечности. Как Турссоны перед ним. Тут Феликс нарушил добровольное молчание.

– Вам что-нибудь известно? – с беспокойством спросил он. – О том, кто мог это совершить?

Торкель постарался уйти от прямого ответа. Чтобы успокоить, но не солгать.

– В настоящий момент мы пытаемся выстроить картину случившегося и ждем результатов технических исследований, но кое-какие доказательства мы зафиксировали.

– Против Яна Седера? – незамедлительно откликнулся Феликс.

Торкель знал, что в мелких населенных пунктах слухи распространяются быстрее, чем в крупных, но ему было важно постараться как можно скорее положить конец всем пересудам и не говорить ничего такого, что могло бы способствовать их распространению.

– Я не могу комментировать какие-либо имена. Мы работаем над несколькими версиями.

– Мы его не знаем, – продолжил Феликс, который явно не собирался так легко отступать. – Но он не из тех, с кем хочется общаться, если можно так выразиться. Насколько мы поняли, его арестовали.

Торкель решил оставить эту тему и обратился к Ханне.

– Как себя чувствует Корнелия?

Услышав свое имя, девочка еще плотнее прижалась к матери. Ханна стала свободной рукой успокаивающе поглаживать ее по длинным светлым волосам.

– Так себе. Нам дали специалиста по психиатрической помощи детям и подросткам в Карлстаде, но в настоящий момент мы пытаемся просто успокоиться, – осторожно ответила Ханна.

Торкель ободряюще кивнул ей.

– Это правильно. Такому нужно дать время.

– Я хотел бы немного поговорить с мамой или папой один на один, ты не против? – обратился он к Корнелии, хотя та по-прежнему сидела, повернувшись к нему затылком.

Корнелия не шелохнулась, но папа Феликс встал.

– Корнелия, пойдем, поднимемся к тебе в комнату.

Он осторожно принял дочку от Ханны. Та незамедлительно обхватила его так же крепко и судорожно, как только что обнимала мать.

– Ханна была дома, когда это произошло, и она лучше знала ту семью, – проговорил он через плечо девочки. – Если понадобится, я смогу спуститься.

– Хорошо, – кивнул Торкель.

Феликс и Корнелия удалились на второй этаж. Торкель выждал, пока они поднимутся по лестнице, а затем обратился к Ханне.

– Я понимаю, как вам тяжелы вопросы, но мне необходимо знать чуть больше, – начал он участливо. – Например, сказала ли Корнелия что-нибудь еще, после разговора с полицией?

Ханна решительно покачала головой.

– Что бы это могло быть?

– Что угодно. Не пришло ли ей что-нибудь в голову, не видела ли она раньше кого-нибудь у Карлстенов или не говорили ли ей чего-нибудь мальчики?

– Нет, она в основном молчит. – Торкель увидел, что в глазах у Ханны появились слезы. – Я ненавижу себя за то, что не пошла вместе с ней. Раньше я всегда ее провожала, но начиная с лета ей разрешили ходить одной. Ей хотелось чувствовать себя взрослой.

Торкель замолчал. Тут он ничем особенно помочь не мог. Мать должна это пережить самостоятельно. Он как раз собирался попробовать вновь перевести разговор на Корнелию, когда Ханна перебила его.

– Вы считаете, что нам безопасно оставаться здесь жить? – спросила она, глядя на него с откровенным беспокойством. С дочерью в объятиях ей было значительно легче сдерживать страх. Сейчас ей больше не требовалось изображать храбрость.

Ответить на такой вопрос было трудно. Даже невозможно. Опыт подсказывал Торкелю, что в доме неподалеку преднамеренно убили Карлстенов. Было маловероятно, что убийца вернется и нанесет удар по семье соседей. Однако поклясться в этом Торкель, естественно, не мог.

– Я искренне считаю, что вам не угрожает какая-либо опасность. Но наверняка я не знаю. Если вам кажется, что так будет лучше, уезжайте на несколько дней. Только в таком случае сообщите мне, куда поедете.

Торкель достал визитную карточку и положил перед ней на стол. Ханна взяла ее, явно испытав облегчение от ответа. Она последует его совету, он понимал, но пока отпустить их он не мог.

– Вы хорошо знали Карлстенов?

– Наверное, я знала их лучше всех соседей, во многом потому, что Корнелия обожала мальчиков. Они были хорошими людьми, только немного особенными.

– В каком смысле?

– Они правда были очень добрыми. Я в этом уверена. Но они кое с кем в округе ссорились. Выделялись. Они ведь стокгольмцы, и некоторым казалось, что они, ну, знаете, слишком ратуют за охрану окружающей среды и тому подобное. – Ханна, похоже, была рада сменить тему. Ее лицо вновь слегка обрело цвет. – Я имею в виду ту историю, когда они засняли Седера с волком. Если живешь здесь, так поступать нельзя, – продолжила она. – Даже если тебе кто-то не нравится. А они устраивали людям такое.

– Вы подразумеваете кого-то еще, кроме Седера?

Ханна задумалась.

– Не то чтобы я считала, что он... убил их. Но Эмиль заявлял в полицию на лодочную фирму у озера. На фирму Уве Хансона. Они были немного склочными, это правда. Особенно Эмиль. Но с нами никогда не ссорились. Никогда.

Торкель достал блокнот и записал:

ХАНСОН/ЛОДОЧНАЯ ФИРМА/ЭМИЛЬ?

– Так, хорошо. Что-нибудь еще?

– Насколько я могу припомнить, нет. Уже и так звучит странно. Будто с ними было что-то не так.

– Вовсе не странно. Вы рассказали то, что знаете. Ничего плохого в этом нет.

У Ханны опять сделался печальный вид.

– Это так сложно. В принципе они были правы. Разве нет? Я тоже люблю природу. Но иногда они проявляли некоторую наивность... Ведь надо еще и здраво оценивать ситуацию.

Торкель кивнул. Прежде чем продолжить, Ханна посмотрела прямо перед собой. Она, несомненно, ощущала вину за то, что вспоминает об убитой семье нечто негативное.

– Они были такими хорошими. Очень много работали. Знаете, когда они взяли этот хутор, он был довольно запущенным. Они выстроили дом и все остальное. А теперь... теперь их нет...

Торкель не знал, что отвечать.

Но одну вещь он понял: надо лучше изучить Карлстенов.

Обратно к месту преступления Торкель пошел длинным путем.

Гравиевая дорога между домами была проложена относительно недавно, и блекло-серый гравий скрипел у него под ногами. Он позвонил Эве Блумстедт из поискового отдела и попросил ее пробить Эмиля и Карин Карлстенов. Эва быстро обнаружила у Эмиля два обвинительных приговора, от 1994 и 1995 годов. Оба касались незаконного вторжения и причинения ущерба и привели к штрафам в размере дневного заработка, а также возмещению ущерба. Эмиль, очевидно, являлся – или, по крайней мере, когда-то был – активистом «Фронта борьбы за свободу животных», довольно воинственной организации защитников прав животных, и участвовал в двух акциях против норковых ферм в Эстергетланде³. Им оба раза удалось выпустить из клеток сотни зверьков, обреченных на гибель. К моменту последнего приговора Эмилю было всего 21 год, а после 1995 года преступлений, повлекших привлечение к судебной ответственности, за ним не числилось. Грехи молодости. Торкель поблагодарил Эву за помощь и решил позвонить Бьерну Нурдстрему из СЭПО⁴. Они несколько лет назад встретились на рождественском празднике, и Бьерн тогда рассказывал, что получил новые должностные обязанности и стал отвечать за существующие в Швеции воинствующие группировки защитников прав животных. Торкель надеялся, что тот сможет дать ему немного информации об Эмиле «off the record»⁵, по крайней мере подсказку, если ему потребуется официально запрашивать о нем дополнительные сведения.

Бьерн не ответил, поэтому Торкель оставил ему краткое голосовое сообщение.

Он подошел к перекрестку, где дорога в Турсбю встречалась с тремя небольшими гравиевыми дорогами, расходящимися по окрестностям. Дорога направо вела в Турсбю, налево – обратно к Карлстенам. Торкель увидел Билли и Фабиана, которые, склонившись, сидели перед ведущей в дом лестницей. Он решил не мешать им. Присутствие на месте Билли не оставляло сомнений в том, что потом он получит добросовестный обзор всех потенциальных находок. Вместо этого он решил посетить других соседей, Бенгтссонов. Они жили чуть дальше по тянущейся прямо дороге. Согласно имеющимся сведениям, они тогда находились дома, но ничего не видели и не слышали. Впрочем, допрос был чрезвычайно кратким и их отношения с Карлстенами никак не затрагивались.

Дорога туда шла через несколько больших полей, окруженных длинной прошлогодней желтой травой. Часть из них уже была распахана, а на огороженном пастбище бегало несколько лошадей, стряхивая с себя зиму. Торкель не видел ни намека на жилье, но предположил, что

³ Эстергетланд – юго-восточная провинция Швеции.

⁴ СЭПО – шведская государственная служба безопасности.

⁵ неофициально (*англ.*).

лошади принадлежат Бенгтссонам, и, следовательно, дом находится где-то недалеко от пастбища.

Бьерн Нурдстрем отзвонился, как раз когда Торкель завидел скопление строений – довольно большой кирпично-красный дом, окруженный двумя сараями. Они выглядели гораздо более запущенными, чем у Турссонов и Карлстенов. Бьерн извинился, объяснил, что отдыхает с семьей в другой части Швеции и поэтому не имеет доступа к своему компьютеру. Правда, он никогда не слышал ни о каком Эмиле Карлстене, так что тот, видимо, был не слишком активен и не занимал центральной позиции среди воинствующих движений защитников прав животных. Бьерн пообещал по возвращении проверить подробнее и позвонить. Или дело не терпит отлагательства? Торкель задумался. В последний раз задержан в 1995 году, никаких свидетельств активности Эрика в организациях защитников прав животных... Пожалуй, время терпит. Они еще немного поболтали. Бьерн читал новости о жестоких убийствах и пожелал Торкелю удачи в раскрытии преступления.

Закончил разговор Торкель уже находясь во дворе. Жилой дом казался пустым и темным, автомобиля перед домом не было. Во всяком случае, действующего. Сбоку от большого сарая стояли останки двух автомобилей, дверцы и передние брызговики наполовину сняты. По краям зданий росло множество крапивы, и чем дальше Торкель продвигался к жилому дому, тем отчетливее видел отсутствие ухода. Белая краска вокруг окон отслоилась, и в нескольких местах деревянного фасада виднелись явные признаки повреждения от влаги.

Торкель испробовал звонок, но тот, похоже, не работал, во всяком случае, прислонившись к двери, он не услышал ни звука. Несколько раз безрезультатно постучав, он сдался. Их нет дома. Торкель написал, в чем состоит его дело, на обратной стороне визитной карточки и, проходя мимо почтового ящика, опустил ее туда.

Уже стало по-настоящему темно. И прохладно. «Надо было взять машину, – подумал он. – Типичная для ранней весны ошибка. Всегда забываешь, насколько холодно становится с исчезновением солнца». Он застегнул молнию на куртке и двинулся в обратный путь. Ему хотелось надеяться, что Билли уже закончил поиски вокруг дома и они смогут поехать обратно.

Себастиан открыл окно и выглянул в принадлежащий гостинице «Орел» темный сад. Госкомиссия оккупировала четыре из семи номеров в желтом здании начала XX века, которое, по словам разговорчивой дамы на рецепции, строилось как внушительных размеров частный особняк и именовалось в народе «Домом пальмы», поскольку при входе стояла пальма высотой в два этажа. Потом здесь проживало несколько семей, квартировали офицеры, а в конце сороковых годов дом перестроили в гостиницу, и тра-та-та. Себастиану не хватило сил даже притвориться заинтересованным.

Вдыхая струящийся в окно чистый ночной воздух, он уселся на кровать, взял пульт и включил телевизор.

Кто-то пел.

Кто пел и что, Себастиан не знал, но разбираться не стал.

Он лег. Его взгляд упал на противоположную стену. Стены комнаты покрывали обои в мелкий синий цветочек, причем узор был такой частый и расплывчатый, что возникало ощущение, будто в комнате взорвался какой-то инопланетянин с синей кровью. Белые занавески, белый ночной столик с прикроватной лампой из латуни, письменный стол у стены напротив двери. Белая дверь в туалет. Себастиан предположил, что при обустройстве интерьера руководствовались такими словами как «уютно» и «по-домашнему».

Он не находил себе места.

Знакомое ощущение.

Простое лекарство.

Но даже секс манил недостаточно сильно. Выходить, ресторан, угощать напитками, болтать, возможно, танцевать. Слишком затруднительно, и есть риск, что толку будет слишком мало. Будь это просто, тогда пожалуй, но когда Себастиан после допроса спросил Флавию, знает ли она приятные рестораны, и если да, то не хочет ли она составить ему компанию в одном из них – если не на ужин, то хотя бы на бокал вина после работы, – та четко дала понять, что ее дома ждет муж.

Поэтому он посидел на коротком совещании, когда вернулись Торкель и Билли, узнал больше о месте преступления и убитой семье, но ничего такого, что сразу дало бы им толчок для работы. Они решили начать с утра пораньше со встречи с прокурором и отправились в гостиницу.

В машине Себастиан присматривался к Торкелю. Тот казался подавленным. Возможно, на него подействовало место преступления, но скорее дело было в Урсуле. В процессе работы ее отсутствие стало более заметным. Кроме того, во время короткого совещания Торкель сказал, что решил привлечь ее к расследованию, обеспечив ей доступ ко всем снимкам и сведениям.

Он ни с кем особенно не говорил на нерабочие темы, а Себастиану вообще не сказал ни слова не по делу.

Не пора ли разобраться с этой ситуацией? Одно дело не разговаривать об этом, когда они в принципе не видятся, а здесь им предстоит находиться в компании друг друга круглосуточно. Выиграет ли он что-нибудь, если поднимет эту тему?

Все едино.

Продолжать пялиться в стенку он не может.

Раз уж с сексом не получилось, пусть будет Торкель.

Буквально через секунду после того, как Себастиан постучался, Торкель открыл дверь, будто стоял у двери и ждал. Не говоря ни слова, он развернулся и пошел в комнату. Себастиан вошел, закрыл за собой дверь и застыл как вкопанный, не в силах толком переварить увиденное. Стены, казалось, атаковали его.

Цветы и снова цветы.

Абсолютно повсюду.

Не маленькие и неброские, как у него в номере, нет, большие, яркие букеты, наводящие на мысль о провинции Даларна с ее знаменитыми цветочными орнаментами, вплотную друг к другу, словно какой-то подражатель Карла Ларссона под кайфом дал волю кисти.

– Как у тебя тут красиво, все в цветочках, – кивая на обои, заметил Себастиан и предположил, что, оформляя эту комнату, дизайнеры руководствовались формулами «интимно» и «по-летнему».

– Что тебе нужно? – поинтересовался Торкель, продолжая распаковывать лежавший открытым на одной из кроватей чемодан.

– А ты как думаешь?

Торкель прошел мимо него с двумя рубашками и повесил их в шкаф, стоящий сразу за дверью.

– Мне подумалось, не хочешь ли ты поговорить об Урсуле, – сказал ему в спину Себастиан.

– С тобой?

Торкель закрыл шкаф и повернулся к Себастиану.

– В нее выстрелили у меня дома.

– И что же она там делала? – почти выпалил Торкель. Прозвучало более ревниво, чем он намеревался, но ему слишком хотелось знать.

Его это грызло.

Съедало изнутри.

Он любил Урсулу. Она развелась. Внезапно появился шанс для чего-то долговечного. Ему трудно было жить одному. Всегда. Он мечтал о второй половинке.

Мечтал об Урсуле.

И вот ее ранили. Чуть не отняли у него. Дома у Себастиана Бергмана – именно у него.

– Мы просто ужинали, – ответил Себастиан и посмотрел на Торкеля испытующе. Что ему сказала Урсула? Едва ли рассказала правду. Рассказывать, собственно, было особенно нечего. Они не спали друг с другом. Правда, собирались. В тот вечер. Если бы не появилась долбанутая Эллинор со своим пистолетом. Но этого она, наверное, не рассказала. Урсула умеет хранить тайны. Не хуже самого Себастиана. Возможно, даже лучше.

– Она регулярно с тобой ужинала? – поинтересовался Торкель, попытавшись сохранить нейтральный тон. Однако ревность опять дала себя знать. Он ничего не мог с этим поделать. Сколько раз он пытался пригласить Урсулу на ужин, но получал отказ.

– Нет, изредка ужинала, но регулярно... нет.

Себастиан умолк. Он начал жалеть, что не пошел в ресторан, но было слишком поздно. Торкель стоял и молча вглядывался в него, явно ожидая продолжения.

– Думаю, дело было в разводе с Микке и вот этом всем, – начал он. – Ей, вероятно, требовалось с кем-то поговорить.

– И она выбрала тебя, а не меня?

– Видимо, так было проще. Я хочу сказать, она умная. Она наверняка знала о твоих чувствах к ней, а... со мной ничего такого быть не могло. Это было... безопасно.

Себастиан пожал плечами, словно желая подчеркнуть невинность ситуации. Урсула, возможно, из них двоих лучше умеет хранить тайны, но никто, черт возьми, не лжет так убедительно, как он, подумал он и посмотрел на Торкеля наивнейшим и самым искренним взглядом. Торкель не смог сдержать насмешливой улыбки.

– Ужин у тебя дома. Безопасно? – Он пошел обратно к кровати и достал последние вещи. – Неужели ты когда-нибудь ужинал с женщиной без того, чтобы потом не переспать с ней? Или до ужина? Или во время?

Разумеется, правда. Ужин бывал прелюдией. Иногда стимулирующим и полезным, иногда неизбежным злом. Себастиан посмотрел на опять вернувшегося от шкафа Торкеля.

Когда-то они были друзьями.

Себастиан не чувствовал необходимости полностью возвращаться к этому, но все-таки он предпочитал, чтобы Торкель не испытывал к нему откровенной враждебности. Когда Себастиан только вернулся в Госкомиссию, после нескольких лет отсутствия, Торкель искал открытости и доверия. Себастиан решил наконец их ему предоставить.

– У нас с Урсулой когда-то были отношения. – Он увидел, как Торкель остолбенел. – Такие же, как были у вас. Очень давно. В девяностых годах.

Торкель продолжал молча возиться с одеждой. Совершил ли он ошибку, затронув эту тему? Опять-таки: думать об этом сейчас поздно.

– Тогда она тоже была замужем за Микке, но... – Себастиан слегка откашлялся. – Все кончилось, когда она узнала, что я спал с ее сестрой.

Торкель повернулся к нему с таким выражением лица, будто не был уверен, что правильно понял Себастиана.

– Ты спал с ее сестрой?

Себастиан кивнул.

– Да, с Барбру.

– Они из-за этого вообще не общаются?

Себастиан снова кивнул.

– Ты же знаешь Урсулу, – сказал он и шагнул в сторону Торкеля. – Неужели ты думаешь, что после этого я мог интересоваться ее с такой стороны?

Торкель не ответил.

– Ты помнишь, как она отреагировала, когда я появился в Вестеросе? – продолжил Себастиан. Уже увереннее. Он явно на правильном пути. – Одно то, что она захотела со мной поужинать, превосходило мои самые смелые надежды.

Торкель смотрел на него, пытаясь отыскать признаки лжи. Себастиан знал, что, по мнению Торкеля, он много раз его предавал, но это будет, без сомнения, воспринято как самое ужасное предательство. Этого их хрупкая дружба уже не выдержит.

– Если ты солгал, я тебя никогда не прощу, – сказал Торкель, будто подтверждая мысли Себастиана. Себастиан понимающе кивнул и решил сделать еще один шаг. Он тяжело положил руку Торкелю на плечо.

– Я сожалею, – произнес он и сам немного удивился тому, как откровенно это прозвучало. – Обо всем. О том, как все вышло.

Торкель быстро посмотрел на руку Себастиана и снова поднял взгляд.

– Ты сказал это Урсуле?

– Я только один раз виделся с ней после... ну, ты знаешь.

– Да, знаю. Она говорила.

Когда Себастиан ушел к себе в номер, Торкель опустился на кровать. Разговор был неожиданным. Неожданным, но полезным. Госкомиссия не проводила активных расследований с тех пор, как в горах обнаружили похороненную семью. Это дало время для размышлений. Многочисленных размышлений. И эмоций.

Злость.

Тоска.

Ревность.

После краткого визита Себастиана Торкель осознал, что все, через что ему пришлось пройти, было все-таки лучше того, что явно носил в душе Себастиан.

Чувства вины.

Билли сидел за компьютером, обмотав вокруг бедер полотенце, и обливался потом. Получился прямо марафонский забег.

Когда зазвонил телефон, он стоял в душе. Выйдя, он обнаружил пропущенный звонок и сообщение от Мю. Он позвонил ей, не выслушав автоответчик. Оказалось, что она выложила разные предложения по флористическому оформлению в Dgorbox и хотела знать мнение Билли.

Пока подключался гостиничный wi-fi, он кратко рассказал ей о деле, и она спросила про Ваню и Себастиана. Хотя Мю все еще не встречалась с Ваньей, ее очень интересовала приятельница и коллега будущего мужа, которой, по ее убеждению, полезно было бы получить карту на оплату терапии с суммой, равной ВВП небольшой страны. Билли сообщил ей последние новости, по-прежнему утаив свои подозрения относительно родства Ваньи и Себастиана.

Потом он открыл Dgorbox. Тринадцать видов цветочного оформления, и все они выглядели как... разные виды цветочного оформления. Неужели она действительно ожидает, что он выскажет об этом какое-то мнение? Иногда у него возникало ощущение, что она спрашивает его только для того, чтобы он чувствовал свою причастность, а на самом деле ее вовсе не смущает, если он предоставляет ей решать самой. Как сейчас. Тем не менее, состоялось рутинное обсуждение.

Она спросила: «Точно?»

Он ответил: «Совершенно точно».

Она сказала: «Тогда решу я».

Он ответил: «Давай».

Она сказала: «Ты самый лучший».

Он согласился.

Когда они попрощались, Билли сделал все необходимые приготовления для того, чтобы Урсула могла участвовать в расследовании. Он скачал все из материалов расследования, собрал это и создал страницу, которую зашифровал и защитил паролем. Потом послал пароль Урсуле вместе с коротким сообщением, где выразил надежду на то, что она себя чувствует лучше, и написал, как им ее не хватает. Конечно, он мог позвонить, но, с одной стороны, у них с Урсулой были не совсем такие отношения, а с другой, он откровенно не знал, что ей говорить.

Покончив с этим, он бросил взгляд на часы в правом нижнем углу экрана. Ложиться спать слишком рано. С утра пораньше ему предстояло обустроить отведенную им в отделении полиции комнату, а до тех пор нет никакой работы, не терпящей отлагательств.

Его мысли вернулись к Ванье. И Себастиану. Одно дело знать, а доказать это – совсем другое. Он также не знал, что будет делать с информацией, если сумеет ее подтвердить. В настоящий момент его раздражало ощущение, что он знает, но, тем не менее, не знает. Как зуд, до которого не дотянуться, чтобы почесать. Ему хотелось ясности ради самого себя.

Он погуглил тест на отцовство.

Примерно 24300 ответов.

Билли открыл первую рекламную статью.

На экране появилось: «ДНК. Отцовство. Гарантия 100 %. 1395 крон».

Билли принялся читать. Сперва заплатить, потом получить пакет с тестом. По две палочки с ватками на каждое тестируемое лицо, которыми следует водить туда-сюда по внутренней стороне щеки в течение примерно 30 секунд. На этом план рухнул. О добровольном протирании полости рта речи быть не может. Билли свернул эту страницу и открыл другую. Здесь заманивали гарантией в 99,9 %, благодаря самой известной в мире лаборатории ДНК, но метод был тем же: протирать внутреннюю сторону щеки. Билли уже собирался свернуть и эту страницу, когда его взгляд упал на строчку меню с рубрикой:

«Альтернативный анализ».

Он кликнул туда, и первая строка текста привела его почти в восторг. «Если нет возможности воспользоваться прилагаемыми в нашем пакете палочками, можно прислать альтернативную пробу ДНК, например, зубную щетку, палочку для ушей или использованный носовой платок».

Билли продолжил читать с возрастающим интересом.

Снаружи она мерзла.

После еды стало получше, но апрельская ночь теплой не была.

Когда стемнело, она стала держаться ближе к дороге и увидела свет от бензоколонки. Зашла туда, опустив голову, и дождалась, пока парень за кассой занялся клиентом. Тогда она взяла из холодильника два завернутых в бумагу бутерброда и питьевой йогурт. Если ты голоден, надо есть настоящую еду, не сладости. Она быстро распихала еду по карманам и выскочила на улицу. Когда она вновь скрывалась в темноте, никто не кричал ей и не пытался ее преследовать.

Внутри пустота и неподвижность, казалось, увеличивались.

Или это она сама стала меньше. Хотя она по-прежнему не знала, где находится и как сюда попала, она все равно ощущала уверенность и безопасность. Холод внутрь не проникал. Даже темноте не удавалось проникнуть сквозь оболочку, защищавшую место, которое не было местом.

Было по-прежнему тихо.

Она молчала. Теперь это почему-то казалось еще важнее. Место, возможно, справится со словами извне, но с ее словами – нет. И тогда все рухнет. Тогда ей не спастись. Поэтому она никогда больше не будет ничего говорить. Никогда. Никому. Это она себе пообещала.

Внутри.

Снаружи было трудно идти через лес в темноте. Она несколько раз спотыкалась и падала. Вставала.

Шла дальше.

Она добралась до гравиевой дороги. Большая дорога слева. Направо? Дорога ведь должна куда-то вести. Предыдущую ночь она провела на улице. Хорошо бы так больше не делать.

Она пошла по маленькой дороге, представлявшей собой по сути только две разъезженные колеи, и через несколько минут оказалась у железных ворот на двух столбах. Забора не было. Чуть дальше, за огромным рододендромом, виднелся дом. Темный. Машина рядом не стоит.

Дважды крадучись обойдя вокруг дома, она взяла камень и кинула его в стекло входной двери.

Потом быстро опять скрылась в темноте и стала ждать реакции, но ее не последовало.

В доме было холодно, но не так, как на улице.

Она уселась на пол и съела один из бутербродов, или рап, как он именовался на обертке. С ростбифом. Второй она собиралась приберечь на завтра вместе с половиной йогурта. Потом она пошла на кухню. Холодильник оказался пустым, но в одном из шкафов она нашла несколько банок консервов. Тунец, рубленные помидоры и ягоды для коктейлей. Она сунула банки в карманы куртки.

Даже не думая. Просто сунула. Она теперь вообще не особенно много думала. Временами вообще не думала.

Это хорошо. Думать она не хочет.

Помнить тоже.

Она зашла в комнату, где стояло две кровати. Пахло летним домом и пылью.

Она стащила с одной кровати покрывало, взяла подушку и одеяло и залезла с ними под кровать. Прижалась спиной к стене, насколько смогла плотно.

Сделалась маленькой.

Такой же маленькой, как внутри.

Сон.

Этот проклятый сон.

Он уже больше не снится так часто, как раньше. Иногда даже удается уговорить себя, что отделался от него. Что все позади. Но тут он опять возвращается.

Как сейчас. Только что.

Сабина сидит у него на плечах, точно сгусток энергии. На пути к воде. К прохладе и забавам. Воздух влажный и липкий. Чуть поодаль – девочка с надувным дельфином. Последние слова Сабины:

«Папа, я тоже такого хочу».

Море. Брызги. Смех.

Крики с берега.

Шум.

Стена воды.

Ручка дочери в его большой руке. Мысль, что ее ни за что нельзя выпускать. Вся его сила, все сознание сфокусировано. Вся его жизнь в правой руке.

Себастиан сбросил одеяло и пошел в туалет. Помочился в заставляющем шуриться ярком свете неоновой лампы, с болью распрямляя судорожно сжатую правую руку.

Руку, внезапно оказавшуюся пустой.

Ту, что выпустила дочку.

Он спустил воду и вернулся в комнату. Часы под телевизором показывали 04:40. О том, чтобы спать дальше, не могло быть и речи, поэтому Себастиан оделся и вышел на улицу. До восхода солнца по-прежнему оставалось около часа. Темно и пусто. Себастиан пересек улицу и двинулся к воде, шел, по возможности, по берегу, пока не добрался до шоссе. E16/E45. Продолжил путь вдоль воды.

Сон.

Этот проклятый сон.

Себастиан знал, почему сон вернулся. Хотя он изо всех сил держался подальше от фотографий с места преступления и почти не слушал во время передачи материалов, было невозможно полностью отстраниться от расследования или забыть, что в числе убитых есть дети.

Снова.

В точности как в прошлый раз.

Ему нельзя иметь дело с убитыми детьми. Он этого больше не выдерживает.

Примерно через полчаса он развернулся и пошел той же дорогой обратно. В номер, быстрый душ, потом в ресторан. Взяв со шведского стола еды, он прошел во внутреннее помещение. Кто-то здесь действительно обожает цветы на стенах. Тут они оказались черными на белом фоне. Он уселся у стены за раскладной столик, рассчитанный на двоих.

Когда он наливал себе вторую чашку кофе, появилась Ванья и стала оглядываться в поисках знакомого лица. Увидев Себастиана, она слабо улыбнулась ему и пошла за завтраком. У нее усталый вид, отметил Себастиан. Похоже, сейчас это для нее норма. Усталость и уныние. Разрыв отношений с самым близким человеком бесследно не проходит.

Себастиану следовало бы радоваться – с тех пор как он узнал, что Ванья его дочь, его самым большим желанием было, чтобы она отстранилась от Вальдемара, – но он держался в тени, памятуя о том, что она только *предпочла* поверить ему. Не будучи в силах сражаться со всеми и вся. Ситуация могла быстро измениться. Особенно если бы она узнала обо всем, что он сделал.

– Ты хорошо спала? – спросил он, когда она села напротив него.

– Так себе. А ты?

– Как младенец, – солгал он.

Они закончили завтрак за непринужденной беседой и, выходя, встретили Билли, который направлялся в ресторан. Он уже успел побывать в отделении и обустроить, как он выразился, «самую маленькую комнату в мире». Билли предложил подвезти их, если они подождут десять минут, пока он немного подкрепит, но Ванья и Себастиан отказались. Они собирались прогуляться.

Билли действительно немного странно посмотрел на них, когда они это сказали, или Себастиану просто показалось? Из всей команды его он знал хуже всех. Конечно, он с первого мгновения примирился с присутствием Себастиана – в отличие от Ваньи и Урсулы, – но за время, что Себастиан проработал в Госкомиссии, они ничуть не сблизились.

Для Билли это было тяжелое время. Он убил двоих человек. Правда, по долгу службы, но тем не менее.

Два внутренних расследования. Оба раза признан невиновным.

Однако Себастиану с трудом верилось, что эти события никак не сказались на душевном состоянии Билли, хоть тот и делал вид, что ему все нипочем. Его явно не назовешь крутым немногословным мачо. После второго смертельного выстрела Себастиан предлагал ему свои услуги в качестве терапевта-собеседника, но Билли отказался.

Когда они рядом шли в сторону Бергебювэген, 22, Себастиан спросил Ванью, не замечала ли она в Билли чего-нибудь особенного.

– Нет, он такой же, как всегда. А что?
Себастиан не стал углубляться в эту тему.
Такой же, как всегда.
Это-то его и пугало.
Казалось странным после убийства двоих людей.

Уже в девять часов утра Урсула приехала в глазную больницу Святого Эрика, чтобы встретиться с протезистом, которого рекомендовал ей лечащий врач, и испытать свое будущее вспомогательное средство. Такое название ее возмущало: это был скорее аксессуар, а не вспомогательное средство. Врач, однако, утверждал, что лучше вставить протез, чем просто защитить глазницу. По его словам, окулярный протез, как это красиво называлось, способствует также более быстрой психологической реабилитации пациента. Он утверждал, что у него имеются хорошие результаты с пациентами, которые, подобно ей, изначально относились к этой идее крайне негативно. Сама Урсула считала, что врач преувеличивает ее негативное отношение. Она лишилась глаза и не испытывала потребности скрывать это от окружающих. Кроме того, в последнее время она начала свыкаться с мыслью, что правый глаз у нее закрыт. Поначалу ее мучили ужасные головные боли, но она не знала, было ли это вызвано повреждениями или тем, что левому глазу приходилось работать в одиночку. Вероятно, роль играли оба фактора. Теперь головные боли одолевали только временами, и она могла беспрепятственно читать, по крайней мере, до полутора часов подряд, после чего ощущала усталость. Но врач стоял на своем, и Урсула под конец согласилась хотя бы встретиться с протезистом. Им оказалась молодая женщина по имени Зейнеб. В течение пятнадцати минут она спокойно измеряла объем, окружность и глубину глазницы, а потом порекомендовала Урсуле выбрать протез из акриловой пластмассы. Она объяснила, что он более прочный и за ним легче ухаживать. Урсула не имела никаких предпочтений относительно материала, но удивила саму себя тем, что не ушла, поблагодарив, а осталась и продолжила разговаривать с женщиной. Ее тронула какая-то естественность в манере Зейнеб. С врачом речь шла о диагнозе, точном клиническом описании эффектов ее повреждений. Торкель, старавшийся все время быть к ее услугам, никогда не решался заговаривать о том, что находится за белой перевязочной лентой. С Зейнеб она получила нечто иное: освобождающую обыденность ситуации, словно они были подругами, обсуждавшими прически или серьги, а не зияющую у нее на лице дыру.

Чем дольше они разговаривали, тем больше ей приходилось признавать наличие в словах врача известного смысла. Чтобы полностью вернуться обратно, пожалуй, требуется больше, чем просто закрыть рану лоскутком и думать, что жизнь продолжается. Возможно, поэтому протез все-таки называется вспомогательным средством. Потому что он помогает вернуться к нормальной жизни.

По-настоящему.

Урсула не знала, так ли это. Зато она знала, что уже сейчас ждет назначенной через две недели следующей встречи с Зейнеб, чтобы начать примерять новый глаз.

Домой она пришла в приподнятом настроении, переполненная энергией. На забытом дома мобильном был пропущенный от Торкеля. Сообщений он не оставил. Впрочем, она догадывалась, что он хотел.

Что он всегда хотел.

Но ее это больше не беспокоило. Сейчас было скорее приятно общаться с человеком, не преподносящим никаких сюрпризов.

В отличие от Себастиана Бергмана.

Тот один раз навестил ее в больнице. Один раз. Несмотря на то, что выстрелили в нее у него дома и стреляла его бывшая сожительница. Один-единственный раз.

Хотя он обычно старался избегать того, что причиняло ему самому неприятности и боль, она удивилась. Поразилась. Однако задним числом она не могла не признать, что сама себя тоже удивила. Она была близка к тому, чтобы повторить ошибку, совершенную однажды давным-давно: начала испытывать к нему чувства.

В тот раз все кончилось тем, что он переспал с ее сестрой.

В этот раз она чуть не умерла.

Третьего раза не будет. Как бы он ни старался. За этим она проследит. Правда, она сама допустила ошибку: открыла дверь ипустила его. В этом требовалось признать себе первым делом. Что-то в нем ее невероятно привлекало. У них сложились непростые отношения, которые, как и все прочее в нашей жизни, нельзя было однозначно назвать плохими или хорошими. Очень многое ей в Себастиане нравилось. Его интеллект, оригинальный взгляд на окружающий мир, способность всегда находить выход из трудных ситуаций. Но прежде всего, они очень похожи. Оба одинаково одиноки. Оба в вечных поисках любви, которую им удастся в следующий миг уничтожить.

Если бы тяжело ранили его, она, возможно, тоже навестила бы его только раз. Дальнейшие визиты только увеличили бы груз ответственности, а для них обоих груз ответственности ничего не значит.

Они идут дальше.

Урсула села за компьютер и ввела пароль. Они собрали много материала. Большая часть наверняка появилась еще до того, как дело перешло к Госкомиссии. Однако она узнала руку Билли, когда увидела педантичную сортировку материала на файлы и папки.

Наглядно и аккуратно.

Она начала с первого отчета с места преступления. Он был подписан Эриком Флудином и оказался довольно качественным. Конечно, ей хотелось бы иметь чуть больше общих снимков дома, фотограф на них немного поскупился, сосредоточившись на крупных планах. Впрочем, с другой стороны, их было достаточно для того, чтобы дать ей хорошее общее представление. Она начала с первой жертвы, с Карин Карлстен.

Мать семейства с большой дырой в груди.

39 снимков посвящено только ей.

656 снимков в общей сложности плюс письменные отчеты.

Она поняла, что день будет длинным.

Комната, которую им выделили, была, возможно, и не самой маленькой в мире, но довольно тесной. Четырнадцать квадратных метров. Возможно, шестнадцать, предположил Торкель, заходя туда вместе с Малин Окерблад. Когда за овальным столом в центре собралось шесть человек, то складывалось впечатление, что как минимум двое из них лишние. Представив остальным Малин, Торкель потянулся за одним из стоявших на столе кофейных стаканчиков с бензоколонки. Кто-то довольно предусмотрительно доставил сюда кофе, поскольку автомат на кухне по-прежнему барахлил. Торкель бросил беглый взгляд на разложенную по белой столешнице пачку газет. В местных утренних газетах и в обеих вечерних газетах убийство семьи Карлстен освещалось на первой странице.

– Малин получила весь материал, но давайте быстренько пройдемся по нему устно, – усевшись, сказал Торкель. Он кивнул Билли, который поставил стаканчик с кофе и встал. На стене прямо у него за спиной виднелись результаты его утренней работы. Временной график, фотографии с места преступления, выдержки из допросов соседей и карта.

– Соседская девочка, Корнелия Турссон, пришла сюда, к дому Карлстенов, – Билли показал на карте. – Был четверг, девять часов утра. Она обнаружила, что дверь распахнута, а за ней лежит убитая Карин Карлстен. Девочка сразу побежала обратно домой, там вызвали полицию, которая и нашла в доме всех членов семьи застреленными.

– В предварительном отчете говорится, что их застрелили в среду утром, – вставила Ванья. – Вероятно, из дробовика.

Ванья умолкла, а Малин лишь кивнула, будто получила подтверждение уже известной ей информации.

– Из технических доказательств пока нашли только следы обуви, – продолжил Билли. – Сорок четвертого размера.

– И это не обувь отца? – Малин впервые после короткого приветствия раскрыла рот, и Ванью поразило, какой у нее низкий голос. По телефону ее можно было бы принять за мужчину. Она поймала себя на том, что задумалась, не считает ли Себастиан это сексуальным, и бросила на него взгляд, но он, казалось, не среагировал. Он сидел, подперев голову ладонями, и, похоже, дремал.

– Нет, у него почти сорок седьмой размер, – закончил Билли и вернулся на место. – На данный момент это все. Он слегка пожал плечами, словно извиняясь за скудный материал расследования. Малин опять кивнула и что-то записала на лежащем перед ней листке бумаги.

– Разговоры с соседями, которых удалось застать, пока ничего особенного не дали, – перехватил инициативу Торкель. – Карлстенов любили, но некоторые сказали, что их увлеченность проблемами окружающей среды иногда немного раздражала.

– В каком смысле?

– Они лезли не в свое дело. Просто-напросто проявляли несколько излишнее рвение. Ситуацию не улучшало и то, что они были приезжими, хотя они переехали сюда двенадцать лет назад.

– Но никаких прямых угроз?

– Мы пока таковых не установили, – ответил Билли. – Кроме той угрозы Яна Седера, но про него нам уже известно.

– Его я отпущу сразу после этого совещания, – нейтральным тоном сообщила Малин, будто рассказывала, что ела утром на завтрак, и незамедлительно возникшая в комнате тишина указывала на то, что большинство не поверило своим ушам. Даже Себастиан очнулся от спячки и посмотрел в сторону прокурора с недоверием.

– Вы собираетесь его отпустить? – озвучил их сомнения Торкель.

– Да.

– Мы, пожалуй, предпочли бы, чтобы он еще ненадолго задержался, – сказал Торкель, сумев своим особым образом придать словам характер покорнейшей просьбы и приказа одновременно.

– Зачем? – поинтересовалась Малин, явно решив не заметить приказной оттенок. – У него есть алиби.

– Еще у него есть дробовик, за который он не может отчитаться, – выпалила Ванья, сделав вид, что не видит неодобрительного взгляда Торкеля. От имени группы перед внешними людьми говорил он, она это знала, но выпускать Седера представлялось ей таким идиотизмом, что она не смогла смолчать.

– Ружье украдено, – кратко изрекла Малин и решительно встретила с Ваньей взглядом.

– Он *говорит*, что оно украдено.

– Вам не удалось добыть никаких доказательств противоположного.

Ванья напряженно пыталась разгадать, что может лежать в основе столь непродуманного решения. Помимо чистой некомпетентности, а Малин не производила впечатления человека некомпетентного, ей приходило в голову только одно. Задавать вопросы не ее дело, и это неизбежно прозвучит как обвинение, Торкелю это не понравится, но сдержаться она не могла.

– Вы его знаете? Лично? – поинтересовалась Ванья.

– Вы намекаете, что я могу действовать непрофессионально, или просто считаете, что раз мы за пределами Стокгольма, то все друг друга знают?

– Во всяком случае, в Стокгольме мы смогли бы его продержать четверо суток, – упрямо ответила Ванья.

– А здесь нет. И чтобы ответить на ваш вопрос: нет, лично я Седера не знаю, иначе я бы с этим делом не работала.

Малин опять посмотрела в свои бумаги.

– У Яна Седера сорок первый размер обуви. След в доме был от сорок четвертого размера, разве вы не так сказали? – обратилась она к Билли.

– Сорок третий/сорок четвертый, – тихо подтвердил он, прекрасно сознавая, что его ответ не улучшит их позиции.

Малин кивнула с довольным видом и обратилась к Эрику, который до сих пор молча сидел рядом с Себастианом.

– Эрик, ты знаешь его немного лучше. Каков риск побега?

Все переключили внимание на Эрика. Он утром спросил, можно ли ему присутствовать. Тогда он обрадовался положительному ответу, возможности вблизи посмотреть, как работает Госкомиссия. Ему не хотелось ни с кем вступать в конфликт, но в создавшейся ситуации угождать обеим сторонам было невозможно, поэтому он слегка откашлялся и избрал правду.

– Я его тоже не знаю, но я бы сказал, что с его ограниченными ресурсами и учитывая все остальное риск побега очень невелик.

Малин опять улыбнулась довольной улыбкой, которую Ванья уже сильно невзлюбила. По правде говоря, ей очень мало что нравилось в Малин Окерблад. Собственно, ничего.

– Он может уничтожить доказательства, – услышала она рядом с собой голос Билли.

– Я давала санкцию на обыск у него дома, – быстро ответила Малин. – У вас было двадцать четыре часа. Если после этого остались доказательства, которые можно уничтожить, значит, вы не выполнили свою работу.

Все промолчали. «Можно говорить что угодно, – подумал Торкель, – но Малин Окерблад явно не слишком заботится о своей популярности».

– Скажите-ка мне, какие у нас имеются основания для того, чтобы я продолжала ограничивать его свободу? – Малин обвела взглядом собравшихся за столом. Все промолчали.

– Значит, мы его отпускаем.

Домой его везла толстая полицейская, забравшая его накануне. Как ее зовут, он не помнил, да это, собственно, и не имело значения. Она сосредоточилась на дороге и не произнесла ни слова, после того как спросила его, когда они приближались к машине позади отделения полиции, хочет он сидеть впереди или сзади.

Хотя нет, произнесла.

«Лицо», – сказала она и бросила ему газету, пока они ждали, чтобы открылись ворота. Он не понял, что она имеет в виду, но тут увидел, как от главного фасада дома к ним бросились какие-то люди. Некоторые из них держали наготове камеры. Задолго до того, как они приблизились к машине, он увидел вспышки. Он закрыл лицо газетой и только слышал, когда они медленно проезжали мимо собравшихся журналистов, как раздававшиеся с разных сторон вопросы смешивались со стрекотанием фотоаппаратов. Затем они выехали на трассу, и с тех пор в машине царила полная тишина.

Его это вполне устраивало. Отец приучил его с подозрением относиться к властным структурам вообще и к полиции в частности. Проклятые бюстители параграфов, которые только осложняют жизнь нормальным людям. Конечно, то, что произошло, ужасно.

Убийства.

Целая семья.

Двое маленьких невинных парнишек.

Но сын Густава Седера никогда, черт подери, не станет болтать с копом. К тому же с бабой. Ян осторожно покосился в ее сторону. Форма и оружие. Исключительно неженственно. Наверное, лесбиянка. В точности как те, которые якобы умеют играть в футбол – как пытаются его убедить телевизор и газеты. Лесбиянки все скопом. Дома у Седеров из парней воспитывали мужиков, а женщины знали свое место. Это естественно. Биология. Если бы природа задумала мужчин и женщин равными, она не стала бы наделять мужчин столькими преимуществами. Впрочем, в этой стране говорить такое больше нельзя.

Он посмотрел в боковое стекло. Там, где заканчивались пашни, солнце отражалось в синей воде озера Велен, в котором он обычно браконьерил рыбу. Скоро он будет дома. Осталось минут десять. Он дал волю мыслям.

Все, с кем он за последние сутки разговаривал, цеплялись к пропавшему дробовику. Первые копы, толстуха и ее начальник, или кто он там был, больше склонялись к тому, что это странное совпадение, но оба приехавших из Стокгольма прямо сказали, что не верят ему.

Очевидно, он не настолько хорошо умеет лгать, как думал.

Еще одна причина радоваться молчанию.

Седер стоял перед низким обшитым этернитом домом и смотрел, как удаляется полицейская машина. Собака начала лаять, как только они свернули на подъездную дорогу, поэтому он прошел несколько шагов до собачьего вольера. При его приближении норвежский элкхунд стал прыгать на проволочную сетку. Голодный, конечно. Седер открыл крышку украденного несколько лет назад в Турсбю ящика для песка и достал ведро с собачьим кормом.

Дав собаке поесть и свежей воды, он вошел в дом, выбрался в прихожей из грубых ботинок и повесил куртку на крючок рядом с комбинезоном для езды на скутере. Потом прошел в кухню. Решил по пути к холодильнику и холодному пиву ничего не делать со стоящей возле мойки грязной посудой. Открыв пиво, он выпил несколько глотков и поставил бутылку на поцарапанный кухонный стол возле окна. Оконные занавески висели там уже тринадцать лет, – с тех пор, как умерла его мать.

Он уселся за стол и открыл ноутбук. Тонкий современный компьютер, казалось, не особенно соответствовал маленькой кухне. Стены с обоями в оранжевый рисунок, до половины обшитые панелями, в сочетании с темно-зелеными дверцами шкафчиков, напоминали о семидесятих.

Седер открыл свою почту. Ему пришел ответ с сайта russianbabes.ua. Отпив еще глоток пива, он открыл мейл и начал читать. Существовало множество мошеннических сайтов и народа, пытавшегося обмануть человека из глубинки, но этот сайт ему рекомендовали, он был настоящим. Там Седер в свое время нашел Наташу, а сейчас общался с Людмилой из Киева. Они начали переписываться чуть более двух месяцев назад и уже вели речь о том, что она к нему приедет. У нее имелось три старших брата. Раньше она работала на целлюлозно-бумажном комбинате, но ей пришлось уволиться, чтобы ухаживать за больной матерью, которая полгода назад умерла. Теперь она была безработной и на Украине ее больше ничего не держало. Работы она не боялась. Она много лет вела хозяйство, даже до болезни матери, и заботилась о троих братьях, пока те жили дома. Казалось, она из несколько другого теста, чем Наташа, которая считала дом под Турсбю слишком маленьким, находила, что он живет слишком далеко от города, и все время требовала денег. Седер прочитал мейл. Краткий отчет о том, чем она занималась со времени их последнего общения, завершившийся словами, что она по нему скучает. Она подчеркивала, как она счастлива и благодарна за возможность с ним познакомиться, и выражала надежду на то, что они скоро встретятся.

Вот, то-то и оно.

Авиабилет из Киева стоит денег. Именно поэтому Седер немного откладывал это дело. Но теперь возможность, пожалуй, появилась.

Его дробовик не украден.

Он одолжен.

Еще до Рождества. Седер им не пользовался. Охотился он почти исключительно с нарезными стволами.

Конечно, вполне возможно, что его оружие никак не замешано в убийстве Карлстенов, в округе полно дробовиков. Речь могла идти о супружеской неверности, или карточных долгах, или о торговле наркотиками, или черт знает о чем еще, за что убивают людей, но если предположить, что их прикончил кто-то из местных, кого они достали, то кандидатов найдется не так уж много.

И один из них еще до Рождества одолжил у него дробовик.

Придется просто-напросто проверить. Осторожно завести речь об убийствах и посмотреть на реакцию. Узнать, не имеет ли ему смысла забыть, кому именно он одалживал ружье. Даже если его подозрения ошибочны, возможность вообще не быть втянутым в расследование, пожалуй, стоит кое-каких денег.

Его размышления прервали. Опять залаяла собака, и через несколько секунд он услышал, что к дому подъехала машина и остановилась. Из окна кухни ее видно не было. Не только потому, что в последний раз окно мыла Наташа полтора года назад, но и поскольку подъехавший человек проехал максимально далеко и припарковался за углом. Может, полицейская баба что-нибудь забыла и вернулась? Седер прошел до окна гостиной. Легко на помине. Он узнал машину.

И человека, приближавшегося к дому.

С одолженным у него ружьем под мышкой.

– Вы его отпустили?

Пийя трижды звонила Эрику, прежде чем у того появилось время ей перезвонить. После принятого Окерблад решения с ним пытались связаться многие. Естественно, Пийя уже знала, что Седера отпустили. Эрик сразу услышал, что она задержана и сердита.

– Да, – ответил он, выходя в коридор, чтобы избежать взглядов Фредрики и остальных.

– Ты же говорил, что это он, – продолжила Пийя чуть ли не обвиняющим тоном.

– Нет, я сказал, что мы хотим допросить его в связи с убийствами, – с преувеличенной наставительностью проговорил Эрик. – Но у него есть алиби, и доказательств недостаточно... На данный момент, – добавил он, чтобы постараться успокоить ее.

Он хорошо знал жену и понимал, что коль скоро она разгорячилась, чтобы ее успокоить, требуется больше убеждающих слов, чем он был способен высказать. Эту ее сторону большинство избирателей никогда не видело. Внешне, во время дебатов, предвыборной кампании и встреч, она являла собой воплощение спокойствия, но внешняя невозмутимость скрывала вспыльчивый нрав и смесь амбициозности и неуверенности, которые были знакомы только самым близким.

И обрушивались только на них.

Теперь она вновь волновалась из-за того, что Турсбю получит известность как место, где бесчинствует какой-то безумец, а не как современный и прогрессивный муниципалитет, во имя чего она так усиленно работает. После длившегося несколько минут монолога, в течение которого он лишь в нужных местах поддакивал, она немного расслабилась, и им удалось закончить разговор на том, что он, к своему удивлению, пообещал устроить Пийе ланч с руководством Госкомиссии, чтобы она составила собственное представление об уровне специалистов, с которыми он работает.

После разговора Эрик напрямую направился в отведенную гостям комнату и подошел к Торкелю. В комнате по-прежнему царила напряженная атмосфера. Ванья, похоже, не смирилась с унижительным решением Окерблад. Хотя Эрик и считал, что, ставя под сомнение действия прокурора, она зашла чуть слишком далеко, ее страсть ему импонировала. Ее коллега

Себастиан не произвел на него особого впечатления, якобы присущей тому прозорливости он тоже не заметил. Его главными отличительными качествами, похоже, были хамство и безразличие.

Торкель, как и ожидалось, отнесся к идее ланча с сомнением и поинтересовался, зачем ему надо встречаться с председателем муниципалитета, но поняв, что Пийя является еще и женой Эрика, согласился.

Они вместе прошли пешком не слишком долгий путь до дома 8 на площади Ньюа-торгет.

Здание, в котором помещался муниципалитет, не особенно впечатляло. Оно напоминало два огромных куска сахара, кое-как приставленных друг к другу и покрытых грязно-серым кирпичом. Эрик показал дорогу, и женщина в рецепции с приветливым кивкомпустила их внутрь.

Столовая находилась на первом этаже. Пийя была уже на месте и заняла самый дальний столик у стены. Увидев их, Пийя встала.

– Добро пожаловать в Турсбю. У нас сезон круглый год, – с улыбкой приветствовала она Торкеля.

– Вот как, – единственное, что сумел выдавить из себя Торкель с некоторым удивлением.

– Это лозунг нашего муниципалитета. Меня зовут Пийя. Пийя Флудин. Приятно познакомиться.

Глядя на жену, Эрик улыбнулся про себя. От раздражения не осталось и следа, сейчас она в светлом костюме и с хорошо уложенными волосами выглядела скорее как само спокойствие. Она пригласила их пройти к стойке самообслуживания, чтобы взять еду: запеченную треску с картофельным пюре.

– Я хочу поблагодарить вас за то, что выкроили время, – сказала Пийя, когда они уселись.

– Ничего страшного. Насколько я понял Эрика, вы хотели задать мне кое-какие вопросы, – любезно ответил Торкель, открывая свою бутылку минеральной воды.

– Наверное, вам кажется немного глупым, что я попросила вас вот так прийти сюда, тем более учитывая, что мы с Эриком женаты, но мне захотелось бы с вами встретиться, даже не будь он моим мужем.

– Хотя тогда это потребовало бы несколько больших усилий, – ответил Торкель с многозначительной улыбкой.

– Наверняка, но ведь надо же извлекать какие-то преимущества из того, что делишь постель с местным полицейским, – быстро откликнулась она.

Торкель засмеялся. «Хорошо, что они, похоже, понравились друг другу», – подумал Эрик. Он не имел никакого желания посредничать между ними. Они оба – сильные личности.

– За последние дни вы, вероятно, не особенно много виделись, – продолжил Торкель.

– Да, Эрику крепко досталось. – Пийя накрыла рукой руку мужа. – Он совсем недавно получил должность, и это пока его самое крупное дело.

Эрик почувствовал, что должен что-нибудь сказать. Иначе казалось, будто ему двенадцать лет и родители переговариваются через его голову.

– И худшее, – выдавил он. – Но я убежден, что мы его раскроем.

– Вы тоже так думаете? – спросила Пийя, обращаясь к Торкелю. В ее голосе звучало неподдельное беспокойство.

– Подобные дела всегда требуют больше времени, чем хотелось бы. Но да, я тоже убежден в том, что мы найдем виновного. Кроме того, прошло всего два дня с тех пор, как их застрелили.

Пийя кивнула, но удовлетворилась не полностью.

– Я это знаю, а сколько времени у вас обычно занимает раскрытие чего-нибудь подобного, и какой у вас процент раскрываемости?

– Простите? – откладывая нож и вилку, переспросил Торкель и встретился с Пийей взглядом.

– Я должна выступить с заявлением, с одной стороны, о том, что мы собираемся организовать поминальное собрание и демонстрацию против насилия, а с другой, о том, что мы обратились к вам за помощью, чтобы показать, насколько серьезно мы к этому относимся, – объяснила Пийя, незамедлительно переходя на более официальный тон. – Но при этом было бы хорошо, если бы я могла сказать, чего гражданам следует ожидать.

– Они могут ожидать, что мы приложим все усилия, – ответил Торкель. – Как всегда.

– Естественно, но сколько времени нечто подобное обычно занимает?

Торкель пожал плечами и вернулся к рыбе.

– Это невозможно предугадать.

– Постарайтесь. Я так много работала над тем, чтобы привлечь к Турсбю внимание, и теперь, когда газеты *наконец* о нас что-то пишут, то пишут одни ужасы. Необходим противовес. Это полная катастрофа для муниципалитета.

– Убили семью, – медленно и четко проговорил Торкель. – *Это* настоящая катастрофа, особенно для родных и близких. Ваш муниципалитет как-нибудь переживет. – Не уловить холода в его голосе было невозможно. Эрик почувствовал, что атмосфера за столом стала натянутой.

– Да, ужасная трагедия, но кому-то нужно видеть глобальную картину, и этот кто-то, к сожалению, я, – упорствовала Пийя, не отводя взгляда. – Можете думать об этом что угодно, но это так.

Эрик сознавал, что жена опять слегка переборщила, но все-таки чувствовал, что должен поддержать ее.

– Пийя работала не покладая рук, чтобы муниципалитет выглядел современно и привлекательно. Она просто боится, что все это рухнет, – сказал он.

Торкель посмотрел на пару по другую сторону стола. Оба испытывают давление – по разным причинам. Он – потому что только что получил должность, и ему требуется все сделать правильно в таком громком деле. Она – поскольку должна казаться сильной и дееспособной, хотя она, по сути, ничего не контролирует. Выборы состоятся в этом году, все может стать политикой. Ему стало их даже немного жаль.

– СМИ будут какое-то время фокусироваться только на ужасном происшествии, – сказал он чуть помягче. – Так уж они устроены. Никому из нас этого не изменить.

– Я это понимаю, – отозвалась Пийя тоже немного спокойнее. – Но поэтому было так глупо отпускать Седера. Разве виновник не он?

Торкель набрал в грудь побольше воздуха. Хотя конфликт частично сгладился, в будущем он однозначно будет избегать ланчей в компании Пийи.

– Этого мы не знаем, – с некоторой усталостью ответил он. – Прокурор сочла доказательства недостаточными для того, чтобы его удерживать. У меня может быть собственная точка зрения по этому поводу. У вас тоже. Но таков порядок. Наша работа заключается в том, чтобы находить доказательства, а пока нам этого сделать не удалось.

Торкель взял вилку и снова принялся за еду.

– Когда же вы их найдете? – услышал он ее вопрос и решил завершить разговор, окончательно и бесповоротно.

– Я не могу обсуждать ведущееся расследование с посторонними, и если у вас нет других тем для разговора, я предлагаю всем занять рот едой, – проговорил он и почти демонстративно склонился к своей тарелке.

Пийя замолчала.

Эрик почувствовал укол угрызений совести, но не мог не испытывать маленького удовлетворения. Он любил жену, однако ему редко доводилось видеть ее столь молчаливой. В прошлый раз это случилось, когда ее не выдвинули кандидатом в руководство партии.

Уже три года назад.

Следовательно, такое происходило не особенно часто.

В приезде Госкомиссии обнаружились дополнительные преимущества.

Себастиан стоял в дверях их маленькой комнаты и наблюдал за Ваньей. Ей, несомненно, требовалось подумать о чем-нибудь другом, а она сидела, ожесточенно просматривая выписки из свидетельских допросов Седера.

– Пойдем, – сказал он, шагнул внутрь и осторожно положил руку ей на плечо. Ванья с раздражением сбросила ее.

– Мне правда нужно в этом разобраться...

– Ты ничего не упустила, – проговорил Себастиан с твердым намерением не сдаваться. – Пойдем лучше прогуляемся.

Ванья подняла взгляд, в котором читалось все, кроме заинтересованности.

– Я знаю, что ты пытаешься сделать. Но это пройдет само, если только меня ненадолго оставят в покое.

Себастиан улыбнулся ей. Ему нравилось, когда она вела себя как подросток. Вероятно, в ее окружении это нравится не всем, но он ведь ее отец. Отцы упрашивают.

– Ну давай глотнем немножко свежего воздуха.

Ванья вздохнула, но, к его радости, встала.

– Ладно, но ключевое слово «немножко».

Они пошли через здание полиции. Чувствовалась несомненная разница с их рабочими помещениями в Крунуберге, где можно было, прошагав пятнадцать минут, даже не добраться до следующего этажа. Здесь же они оказались на маленькой парковке всего через полторы минуты.

– Куда ушел Торкель? – спросил Себастиан, когда они уже стояли на улице.

– Он собирался встретиться с женой Эрика, – внезапно слегка повеселев, ответила Ванья.

– Странный рабочий план.

Ванья покачала головой.

– Она не только его жена, но и председатель правления муниципалитета. Поэтому она, вероятно, посчитала, что заслуживает собственного брифинга.

Себастиан улыбнулся и даже слегка посочувствовал Торкелю. Он никому бы не пожелал разборок с супругами-политиками. Политическая игра при приезде Госкомиссии затруднительна уже сама по себе, особенно в небольших городках. Так что председатель муниципалитета, которая делит постель с местным ответственным за расследование, может оказаться испытанием не из легких. Вообще, складывалось впечатление, что положение с подобным урегулированием кризисных ситуаций с каждым годом усугубляется. Иногда казалось, будто работа Госкомиссии все больше и больше заключается в том, чтобы разбираться с политиками, властями и СМИ, и все меньше и меньше – в расследовании преступлений, которые им полагалось раскрыть.

– Что ты думаешь о Седере? – спросила Ванья, прервав его размышления. Себастиан вернулся к ней. Она, по крайней мере, чуть-чуть повеселела. Уже что-то.

– Он что-то скрывает, но семью расстрелял не он, – ответил он решительно.

Ванья, похоже, согласилась.

– Я не понимаю, почему Окерблад его отпустила. Что произошло бы, если бы он еще немного посидел?

У Себастиана вдруг возникла идея.

– Вместо того чтобы стоять тут и сетовать на прокуроршу-идиотку, давай лучше кое-что предпримем.

– Что же? Опять допросим его? Забрать сюда мы его не можем. У нас нет никаких новых данных.

– Особым умом он не отличается, поэтому, возможно, сразу по приезде домой что-нибудь придумает.

– Например?

– Не знаю. Но мы оба считаем, что он что-то скрывает. Возможно, он что-нибудь по этому поводу предпримет. Что-нибудь, достойное нашего внимания.

Ванья широко улыбнулась. Она, похоже, поняла, что он имеет в виду, и усмотрела в его предложении определенный юмор.

– Ты хочешь сказать, что нам надо последить за ним? – Казалось, Ванья с трудом сдерживает смех. – Нам с тобой?

Себастиан оживленно закивал.

– Ты когда-нибудь следил за кем-нибудь? – скептически спросила Ванья. – Ты ведь скорее из тех, кто подключается потом и загребает славу, – добавила она и попала в точку.

Он посмотрел на нее честным взглядом.

– Все когда-то бывает впервые, не так ли?

Они одолжили одну из машин полиции Турсбю без полицейской символики и поехали через городок в западную сторону, пересекли дорогу E16 и продолжили путь на северо-запад. Вскоре их уже окружали лес и луга. Причем последних было больше, что плохо соответствовало выражению «бескрайние леса Вермланда». По крайней мере, так выглядели окрестности вдоль дороги Эстмарксвэген. Они пересекли озеро Чилен, и в местечке Родум Себастиану показалось, что Ванья начала столь же усиленно смотреть на навигатор, как на дорогу.

Двадцатью минутами позже она остановилась позади заброшенного сарая, находившегося неподалеку от небольшой дороги, на которую они свернули, и заглушила мотор. Себастиан посмотрел на нее с удивлением.

– Если подъедем ближе, есть риск, что он нас увидит, – сказала она, показывая в окно.

Сквозь лес Себастиан различил маленький дом, примерно в пятистах метрах от них.

Ванья отстегнула ремень безопасности и вышла из машины. Себастиан остался сидеть.

– Я думал, мы сможем следить из машины, – запротестовал он.

– Не жалуйся. Это была твоя идея, – ответила Ванья, обошла вокруг машины и требовательно открыла его дверцу.

Ему ничего не оставалось, как выйти и надеяться, что он не промочит ноги. Он отнюдь не подготовился к прогулке по лесу и был, как всегда, в тонких невысоких ботинках.

– Сделай лицо повеселее. Вот тебе твой свежий воздух, – поддразнила она и направилась вперед.

Они пошли через густой лес в направлении дома Седера, борясь с побегами и кустарником. Уже через несколько шагов Себастиан пожалел о своей идее. Вскоре до них донесся собачий лай.

– У него, естественно, есть собака. Пожалуй, намного ближе нам не подойти, если мы хотим остаться незамеченными, – сказала Ванья и присела на корточки за большим покрытым мхом камнем.

– Это имеет какое-нибудь значение? То есть, что собака может сделать, кроме как залаять? А она уже лает.

– Если кто-нибудь подойдет, она может залаять по-другому.

Себастиан не стал спорить, он совершенно ничего не знал о собаках, кроме того, что здорово их не любит. Он посмотрел на видневшийся за рядами деревьев дом. Тот не представ-

лял собой ничего особенного. Скучная старая хибара, обшитая этернитом. Окна темные, никакого света внутри не видно. Перед входом на несколько заросшем дворе стоял зеленый пикап. Ближе к ним, возле канавы, находился вольер, огороженный высоким забором из мелкой проволочной сетки. Внутри – большая самодельная будка с выпиленным входом. Бегавшая там туда-сюда собака была серой, косматой, очень мохнатой, с торчащим над спиной полукругом хвостом. Какая-то разновидность шведской лайки, решила Ванья. Собака продолжала лаять.

– Его, похоже, нет дома, – сказала Ванья, осмотрев окрестности в прихваченный с собой бинокль.

– Машина стоит здесь, – неуверенно заметил Себастиан.

– Верно. Возможно, он пошел погулять.

– Без собаки?

– Почему бы и нет?

«Да, действительно», – подумал Себастиан. Правда, Седер находился вдали от собаки более суток. Не следовало ли ему в таком случае взять ее с собой? Выгулять ее, дать ей побегать? Впрочем, Седер, похоже, обращался со своими женщинами не слишком хорошо, так почему бы ему вести себя с собакой по-другому? К тому же он не казался любителем прогулок. Неужели они опоздали? Может, он пошел избавляться от доказательств? Оставалось только ждать. Себастиан тоже прислонился к камню и тихо вздохнул, но явно не достаточно тихо.

– Уже надоело? Прошло пять минут.

– Да, не понимаю, как ты это выдержишь. Это чертовски скучно.

– Я мало занимаюсь слежкой, я, как тебе, возможно, известно, расследую убийства.

Ванья оторвала взгляд от дома и с интересом посмотрела на Себастиана.

– Как вообще получилось, что ты начал работать в полиции?

Себастиан улыбнулся ей и осознал, что у слежки имеются преимущества. Они вместе, и у них есть время.

– Отвечать честно? – в шутку спросил он, довольный возможностью вести разговор, способный укрепить их отношения.

– Если ты знаешь, как это делается.

Себастиан радостно кивнул, уже решив не рассказывать правды. Она была гнусной и аморальной – подобные вещи не рассказывают человеку, у которого хотят вызвать восхищение. Себастиан доверительно склонился поближе к Ванье.

– Начав изучать в университете психологию, я понял, что требуется создать собственное, уникальное направление, стать экспертом в чем-нибудь особенном, чтобы я смог выделиться. Я написал курсовую работу о навязчивых фантазиях классического серийного убийцы и стоящих за ними причинах, – сказал он, посчитав, что это звучит довольно достоверно. – Она получилась, разумеется, исключительно хорошей, и я продолжил изучать эту тему. Дело происходило в конце семидесятых годов, когда всю историю с психологическими портретами как раз начали разрабатывать в США, а здесь, дома, это еще никакого резонанса не получило. Так что здесь я оказался первым.

Звучало сбалансированно и хорошо, но правдой не являлось.

Курсовую работу он написал, но не с целью создать себе уникальную позицию. Нет, написал он ее потому, что его всегда притягивали темные стороны человеческой психики и давно восхищали серийные убийцы.

– Когда позже мне представился шанс продолжить учебу в ФБР, это казалось слишком хорошо, чтобы быть правдой, – продолжил он приглашенную версию. – Я сразу воспользовался этой возможностью, а потом было уже поздно заниматься чем-то другим. Ведь хорошо разбирался я только в этой области.

Это тоже была несколько модифицированная правда.

Учеба в ФБР была для него последним выходом. Жалобы на его половую распущенность достигли высшего руководства, еще одно крупное совещание – и его бы вышвырнули. Поездка в США стала способом избежать увольнения. Получилось, как и со всем остальным в его жизни, осознал он. Все его действия всегда имеют скрытую причину. Даже сегодня, когда он сидит за камнем и пытается понравиться Ванье с помощью приукрашенных историй. Таков уж он есть. Ловко умеет подстраивать правду под себя.

– Значит, хотя бы один из нас прошел эту стажировку, – с нотками горечи в голосе произнесла Ванья.

Себастиан осознал, что неосторожно разбередил рану, оставшуюся после полученного ею унижительного отказа. Он попытался, насколько возможно, исправить положение.

– Ты попадешь туда. Это только вопрос времени.

Она не ответила, а встала и стряхнула попавшие на куртку сосновые иголки. Казалось, продолжение разговора ее больше не интересовало.

– Мне это надоело. Давай пройдемся вокруг дома, – предложила она, указывая на заднюю сторону одиноко стоящего дома.

Себастиан тоже поднялся, рассерженный на себя за то, что не сообразил, что следовало избегать речи об этом проклятом образовании в ФБР, которое по-прежнему не давало ей покоя.

Они стали медленно двигаться по широкому кругу, стараясь не приближаться к дому. Из-за молодых побегов, леса, кустов и огромной канавы им было очень трудно двигаться боком, так, чтобы из дома их нельзя было заметить. Пройдя почти половину круга, они убедились в том, что дом Седера выглядит с их новой позиции таким же пустым. Они подождали десять минут. Слышался только лай собаки.

– Неужели эта собака лает круглые сутки? Как он, черт возьми, выдерживает?

Себастиан посмотрел в сторону собачьего вольера. Теперь его почти полностью скрывал дом, но Себастиану показалось, будто он что-то заметил в клетке.

Что-то, чего раньше не видел.

Что-то большое.

– Надо пройти подальше, чтобы лучше видеть вольер, – решительно прошептал он.

Ванья посмотрела на него, а затем перевела взгляд на загон. Теперь она тоже видела это. Нечто серое лежало возле стенки ящика, в котором жила собака. Мешок? Она засомневалась.

Себастиан выпрямился и быстро двинулся вперед, чтобы получить свободный обзор, наплевав на то, увидит ли его кто-то из дома. Ему требовалось разглядеть, что лежит в загоне. Ванья побежала следом. Она нагнала его, как раз когда они оказались достаточно близко, чтобы все разглядеть.

Внутри действительно что-то находилось.

Что-то, чему там явно не место.

Человек.

Первым на месте очутился Эрик. К тому времени Себастиан и Ванья уже решили выпустить собаку. Хозяина они трогать не стали, оставив сидеть, прислонясь спиной к маленькой ветхой собачьей будке. В руках он держал помповый дробовик. Ружье выглядело в точности как Benelli Supernova двенадцатого калибра на фотографиях, которые они видели в материалах расследования. Оно лежало вдоль неподвижного тела: приклад между ног, а дуло устремлено вверх, туда, где раньше находилась голова. Теперь от нее остались только фрагменты. Правая сторона, нижняя челюсть и основная часть шеи полностью отсутствовали. Сила заряда картечи снесла все на своем пути, а концентрация повреждений указывала на то, что расстояние между дулом и телом было минимальным. Видимо, во время выстрела дуло было крепко прижато к нижней челюсти.

Однако в том, что перед ними Ян Седер, они почти не сомневались. Хотя большую часть лица оторвало, нос и левый глаз уцелели. Макушка тоже в основном не пострадала, и его рыжий вихор выглядел как накладные волосы клоуна, торчащие над месивом из крови, мозговой субстанции, зубов и обломков костей. Вид был жуткий.

Эрик подошел к телу. Его подготовили к тому, что он увидит, но он все равно побледнел. – Это Седер? – спросил он, сам уже зная ответ.

Когда человек сталкивается с чем-то чудовищным, на ум часто приходят лишь очевидные вещи.

– Да, мы так его и нашли, – ответил Себастиан. – Собака лаяла как безумная.

Эрик вновь посмотрел на тело. Он пытался казаться собранным и рассудительным, но получалось неважно.

– Вот черт, – выдавил он из себя и уголком глаза увидел, как подъехал Торкель и паркуется рядом с его машиной.

– Что вы думаете? Самоубийство? – продолжил Эрик, обращаясь к Себастиану, который смотрел на него скептически.

– Я не криминалист и не судмедэксперт. По-моему, я должен догадаться?

– Для самоубийства выглядит как-то слишком красиво, – слышалось от направлявшейся к ним Ваньи. Она только что нашла обрывок веревки и привязала собаку к дереву немного в стороне. Та продолжала лаять. Эрик посмотрел на Ванью с удивлением.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

Она показала на оружие в мертвенно-бледных руках Седера.

– Готова поспорить, что это ружье, убившее Карлстенов.

Эрик опустился на одно колено и осмотрел ружье.

– Возможно. Тип и модель соответствует.

– Только меня это настораживает, –插入了 Ванья. – Зачем ему было использовать оружие убийства, чтобы покончить с собой?

– Может, способ признать свою вину?

Себастиан собирался предоставить разобраться с этим Ванье и отступить на шаг. Они теперь команда, а в команде иногда приходится играть вторую скрипку. Хотя для него это и непривычно. Однако что-то в Эрике Флудине его заводило, и он просто не смог промолчать.

– Значит, после того, как он потрудился организовать себе алиби и сутки отпирался на допросах, он едет домой, достает оружие, которое так хорошо спрятал, что мы его не нашли, и стреляется. Ты считаешь, это звучит правдоподобно?

Эрик ответил не сразу. Ему не хотелось именно здесь и сейчас вступать в спор с Себастианом. Но взглянув на надменную скептическую мину навязанного ему коллеги, он все-таки вступил.

– Мы не можем знать, как он рассуждал, – произнес он почти с упрямством. – Такая возможность существует, не так ли?

– Ты, вероятно, счастливый человек, – ответил Себастиан, даже не пытаясь скрыть сарказм. – Жизнь настолько полна возможностей.

– Возможность существует, – опять вмешалась Ванья. Никто не выиграет оттого, что мужчины продолжают пикироваться. – Но не слишком правдоподобная. Если бы у нас имелись против него доказательства, тогда пожалуй. Если бы мы прижали его и его поимка была только вопросом времени. А сейчас? У нас ничего не было. Сожалею, Эрик, но у меня это как-то не сходится.

Эрик только молча кивнул и повернулся к подошедшему к ним Торкелю. Увидев Седера, Торкель остановился и отреагировал в точности так, как предполагал Себастиан.

Он покачал головой. Попросил их установить ограждение.

Достал мобильный телефон, чтобы поторопить Билли.

Никаких предположений он строить не стал.

Билли никогда раньше не задумывался над тем, насколько он и Госкомиссия опираются на Урсулу. Но при четырех убитых в доме и новом труп в собачьем вольере ее отсутствие ощущалось чисто физически. Дело было не столько в том, что в команде стало на одного человека меньше – Фабиан оказался весьма компетентным криминалистом, – нет, не хватало ее аналитических способностей. Отсутствие Урсулы становилось особенно заметно, когда необходимо было выбрать, какие версии следует разрабатывать, а с какими стоит подождать. Сам Билли всегда все тщательно раскладывал по полочкам, но Урсула умела интуитивно почувствовать, что важно, а что нет. Без нее казалось, будто он занимается исключительно сбором и организацией массы информации. Урсула требовалась для того, чтобы расставить приоритеты при анализе материала. Она как никто другой умела пробираться через множество снимков, страниц, подсказок и отчетов и извлекать направление для работы. Сейчас же казалось, будто он вычерпывает из лодки воду без малейшей надежды найти пробоину. И тем более ее заткнуть.

Ужасное ощущение.

Он стоял перед новым трупом. Внешне он старался производить спокойное и методичное впечатление, как будто над покойным склонился тот же прежний Билли, но внутри у него все больше напоминала о себе извивающаяся черная змея беспокойства.

Полицейские, которых вызвал сюда Эрик, начали огораживать территорию. Фабиан по собственному почину позвонил в Карлстад и попросил их прислать судмедэксперта. Они хотели как можно меньше двигать тело, пока тот не приедет. Было важно все сделать правильно. Если им не удастся установить причину смерти, это повлечет за собой большие последствия.

Либо это самоубийство, и тогда дело в Турсбю внезапно окажется раскрытым.

Или же это еще одно убийство, и тогда дело перейдет на совершенно новый уровень.

Значит, убийца опять нанес удар и продемонстрировал пугающие целеустремленность и хладнокровие.

Или же эти два дела никак не связаны, а Седера убили по совершенно другой причине, и убийца просто воспользовался подозрениями в отношении Седера, чтобы затруднить расследование.

Вариантов много.

Слишком много.

Черт, как ему не хватает Урсулы и ее прозорливости.

Билли решил начать с оружия. Фабиану он поручил искать следы на земле поблизости от собачьего вольера. Первым делом Билли, однако, проверил, запирается ли дверь в вольер изнутри. Себастиан рассказал, что, когда они с Ваньей обнаружили тело, она была закрыта и заперта. Самым простым способом определить, находился ли там еще один человек, было посмотреть, запирается ли дверь изнутри. Билли смог быстро установить, что запирается, и значит, Седер вполне мог запереться сам.

Не повезло.

После этого он сосредоточился на оружии в руках покойного. Прежде чем осторожно высвободить ружье, он сделал множество фотографий, даже слишком много, словно дополнительные снимки могли его успокоить. Извлечь ружье оказалось нетрудно. Трупное окоченение еще не наступило, и руки были по-прежнему чуть теплыми, что указывало на то, что Седер умер относительно недавно. Наиболее вероятно – час, максимум два назад. Они точно знали, когда его отвезли домой, поэтому Билли мог констатировать, что Седер мало что успел сделать, прежде чем он сам или кто-то другой приставил ему ружье к подбородку.

Билли осторожно поднял ружье, отнес его к минивэну и положил на кусок толстого защитного пластика в багажнике. Затем начал обрабатывать его кисточкой в поисках отпечат-

ков пальцев. Обнаружил пять полноценных: один на скобе под курком, два на прикладе и еще два на краю, поблизости от патронника. Билли зафиксировал их липкой лентой и перенес на индивидуальные карточки. Он предположил, что они принадлежат Седеру, поскольку отпечатки с приклада располагались там, где находилась его левая рука. На курке он, к сожалению, обнаружил только части отпечатков, слишком маленькие и неотчетливые для того, чтобы их можно было использовать.

Он вернулся к ружью. Поднял его, осторожно выдвинул вперед цевье с затворной группой, дал отстрелянной гильзе выпасть на пластик вниз и аккуратно поднял ее пинцетом. Она была матово-черной с золотистым металлом вокруг капсюля-воспламенителя – тот же тип патрона, что они нашли в доме Карлстенов: Saga 12/70 44 грамма. Билли почувствовал, как у него внутри все похолодело.

– Торкель, подойди! – закричал он Торкелю, стоявшему чуть поодаль и разговаривавшему с Ваньей и Себастианом. Все трое поспешили к нему.

– Что ты нашел? – вырвалось у Торкеля, когда им оставалось пройти еще несколько шагов.

Билли поднял пинцет с патроном и показал им.

– Те же патроны, что в доме, – решительно заявил он.

– Значит, это то же ружье, что использовали там? – возбужденно спросила Ванья.

Билли покачал головой.

– Этого я сказать не могу. Придется обратиться за помощью в криминологическую лабораторию. – Билли показал на металлическую сторону патрона. – Когда боек ружья ударяет по капсюлю, вот здесь, на металле, образуется маленькая вмятина. Она уникальна для каждого дробовика. У нас есть два патрона. Один отсюда, другой из того дома.

Торкель с одобрением посмотрел на Билли.

– Отлично, я попрошу Эрика организовать, чтобы один из его парней отвез их в лабораторию, в Линчепинг. Нам надо как можно скорее узнать, то ли это ружье, – сказал Торкель и направился к Эрику, который, стоя поодаль, разговаривал с Фредрикой.

Ванья осталась на месте и одобительно смотрела на Билли.

– Хорошая работа, – сказала она.

Билли искал признаки иронии, но не нашел. Казалось, она говорила всерьез. Он слабо улыбнулся в ответ, правда, сам чувствовал, что пока предъявил только само собой разумеющиеся вещи. Такое, что мог бы обнаружить любой человек, обладающий глазами. До Урсулы ему еще очень далеко.

– Отпечатки пальцев? – продолжила Ванья.

– Мне надо хорошенько перепроверить в компьютере, но внутреннее чувство подсказывает, что они принадлежат только Седеру.

Ванья повернулась к Себастиану.

– Как ты думаешь, Седер поехал домой и сделал что? Связался с убийцей?

– Билли! – внезапно донеслось со стороны собачьего вольера от Фабиана прежде, чем Себастиан успел ответить. – Иди сюда!

Его голос звучал пронзительно и напористо. Он что-то нашел. Билли осторожно положил ружье и присоединился к Ванье и Себастиану, которые уже двинулись в сторону вольера, где Фабиан сидел на корточках прямо перед входом.

– Он здесь был.

Все трое подошли к Фабиану, сидевшему перед четким отпечатком подошвы на земле.

– Кто?

– Тот, у кого размер ноги сорок четыре.

У Урсулы начала болеть голова. Вопреки предписаниям врачей, она сосредоточенно просидела за компьютером несколько часов. Но, несмотря на усиливающуюся боль, ей хотелось продолжать. Хотя полученный от Билли материал был далеко не из легких, возможность сосредоточиться на чем-нибудь, кроме самой себя, приносила желанное ощущение свободы. Жуткое преступление. Уничтожена семья. Человеком, способным нажимать на курок и смотреть, как разрывает на части детей. Таков был ее главный вывод о характере убийцы.

Хладнокровие.

Фотографии не указывали ни на ярость, ни на какой-либо другой мотив, кроме желания просто убить. Все вещи на своих местах, ничто не указывает на поиски денег и ценных вещей. Ничего не сделано с телами после смерти.

Одна ледяная методичность.

Поражало и то, как быстро все, вероятно, произошло. Мать умерла сразу, мальчик на кухне даже не поднялся со стула, отец не успел спуститься с лестницы. Среагировать успел, похоже, только младший сын, Фред, который пробежал из гостиной через кухню на второй этаж и попытался спрятаться в гардеробе.

Что-то в этом не давало Урсуле покоя.

Время, так быстро промелькнувшее для остальных членов семьи, казалось, шло для Фреда в другом темпе.

Она встала и пошла на кухню. Достала две таблетки парацетамола и налила стакан холодной воды. Выпила таблетки. Глубоко подышала.

Что же не сходится?

Она снова уселась за компьютер.

В полицейском отчете делался вывод, что отец не успел спуститься потому, что помогал Фреду прятаться. На это он потратил последнюю минуту жизни. Потом на пути к лестнице встретился с убийцей. Вполне возможное развитие событий.

Но все равно что-то не сходится.

Преступник звонит в дверь. Мама Карин открывает. Умирает. Восемилетний мальчик на кухне. Умирает. К этому времени убийца должен был видеть бегущего через кухню младшего мальчика. Почему он не застрелил его там и тогда? Мальчик мог пробежать только прямо перед ним. Потребовалось перезарядить ружье?

Урсула проверяла: полностью заряженный дробовик Benelli Supernova может содержать четыре патрона плюс один в канале ствола. Человек, который демонстрирует такое хладнокровие, как этот убийца, должен был обстоятельно подготовиться и прийти с полностью заряженным оружием. Любые другие варианты казались странными. Тогда у него оставалось минимум два выстрела. Он ни разу не промахивался – это на сто процентов установило техническое обследование. В доме не было произведено ни единого выстрела, не попавшего в цель.

Он действовал хладнокровно, сосредоточенно.

Хотел быть уверенным.

Хотел стрелять в них с близкого расстояния. Это его явно устраивало.

И вот он видит на кухне мальчика. Видит, как тот убегает на второй этаж. Возможно, зовет отца.

Он дает мальчику убежать. Знает, что все равно настигнет его наверху.

Урсула кликнула на снимки кровавых следов ног. Они вели к лестнице, становились слабее и полностью исчезали перед первой ступенькой. Там мальчик бежал изо всех сил.

Господи, как он, должно быть, бежал.

Она снова посмотрела на фотографии следов. Маленькие отпечатки в крови на полу.

Тут она увидела это. То, что искала.

То, что не сходилось.

Мальчик вообще никуда не бежал.

Фабиан поднял отпечаток ботинка, сделанный при помощи гипсовой заливки.

Все собрались возле минивэна для быстрого совещания. Эрик стоял рядом с Фредрикой и выглядел бледным.

Те же ботинки.

Износ переднего рельефного узора с левой стороны абсолютно тот же.

Тут и обсуждать нечего. Случайность исключена.

Два места преступления.

Те же ботинки.

Тот же убийца.

Секунду все молчали от сознания серьезности произошедшего: убийца опять нанес удар.

– Билли, узнай марку и модель, а когда узнаешь, мы общими усилиями постараемся найти, где они продавались, – нарушил молчание Торкель.

Ванья смотрела в сторону собачьего вольера, где по-прежнему сидел Седер, привалившись к грубо обструганной стенке, и подытоживала, в основном, для самой себя.

– Седера, по всей видимости, застрелили из оружия, которое, по его словам, было украдено, буквально через час после того, как мы его отпустили.

– Как много народу знало о том, что мы его отпустили? – быстро вставил Билли.

– К сожалению, слишком много, – со вздохом произнес Торкель. – Целый ряд журналистов видел, как он ехал, а полчаса спустя прокурор сообщила об этом в интервью по радио.

Ванья почти с отчаянием покачала головой.

– Проклятая идиотка.

– Мы обычно выступаем с заявлением, когда выпускаем подозреваемых, – заметил Торкель в попытке хоть частично спасти честь Малин Окерبلاد. Слишком поздно, увидел он по брошенному на него Ваньей взгляду.

– О том, что его отпустили, знали многие, но тех, кто мог совершить это, крайне мало. – Себастиан долго стоял молча, но теперь он шагнул в центр группы. В такие мгновения он чувствовал себя лучше всего. Когда расследование внезапно делало резкий поворот и от слишком малого количества исходного материала они переходили к слишком большому. В какой-то степени это относилось ко всем членам команды. В Госкомиссию не шли, если не любили вызовы и плохо чувствовали себя под давлением. Однако Себастиан больше всех любил мгновения, когда земля уходит из-под ног.

– Откуда ты знаешь? – спросил Эрик с умеренным скепсисом в голосе. Он, несомненно, пока еще не мог ощущать всю прелесть таких моментов. Себастиан пристально посмотрел на него. Если ему хочется дуться, пусть дуется. Но ему все равно придется выслушать.

– Ружье. Оно указывает на то, что Седер знал, у кого оно было. Убийца знал, что Седеру это известно, но решил не полагаться на его молчание.

К своей радости, он увидел, как остальные восприняли его слова и начали думать так же, как он. Даже Эрик кивнул. Либо он стал, наконец, прислушиваться, либо ему просто надоело пререкаться. Впрочем, на это Себастиану было наплевать.

– Предположим, что оно было кому-то одолжено, – почти с наслаждением продолжил он. – Ружье хорошее. Кому попало он бы его не одолжил. Поэтому пришлось представить дело как самоубийство. Чтобы мы не стали искать среди его знакомых.

Себастиан обратился к Эрику.

– Круг его знакомых не может быть очень широк. Надавите на них. Надавите на его приятелей.

Торкель одобритительно кивнул.

– Отлично, Себастиан. Оттуда и начнем. – Он тоже обратился к Эрику: – Вам придется нам с этим помочь. Вы знаете, с кем он общался.

Торкель давно не смотрел на Себастиана с одобрением. А сейчас посмотрел. Себастиан испытал некоторую гордость. Не только из-за взгляда Торкеля, в глазах Ваньи тоже читалось одобрение.

Он вдруг задумался над тем, почему не бывает таким чаще.

Собранным, энергичным и не таким скучающим.

Ванье он таким нравится. А ему больше всего на свете хочется ее одобрения и любви.

Почему же он не бывает таким чаще?

Она даже спросила его, почему он начал работать в полиции. Ничего другого. Ничего о его женщинах. Ничего об Урсуле и Эллинор. Нет, когда ей представился случай просто поболтать, это был ее первый вопрос, собственно, единственный. Почему полиция?

Потому что это действительно важно для нее самой. Она – полицейский. Это большая часть ее «я». Возможно, из этого полностью состояло ее «я». Особенно теперь, когда она лишилась даже роли дочери.

Ему следует об этом помнить. Это он себе пообещал. Он покажет ей, почему ему захотелось работать в полиции. Начиная с данного момента, он будет показывать высокий класс.

У Торкеля зазвонил телефон. Это оказалась Урсула.

По выражению лица Торкеля все сразу поняли, что речь идет о чем-то важном.

Класс умел показывать не только Себастиан.

Урсула тоже.

Высокий класс.

Билли припарковал минивэн перед большим белым двухэтажным домом и вышел. Все было тихо и спокойно, за исключением сине-белой оградительной ленты, которая по-прежнему бешено дергалась на ветру при входе на террасу. Себастиан смотрел на здание с сомнением. Тела увезли, он знал, но ему все равно претило заходить в дом, где казнили детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.